

Р. РЕЙГАН

Жизнь по-американски

<Фрагменты>

Я решил не тратить время зря, пытаюсь познакомиться с новым советским лидером. Когда Джордж Буш отбыл в Москву на похороны Черненко, у него находилось мое предложение Горбачеву о встрече на высшем уровне в Соединенных Штатах. «Заверяю Вас о своем обязательстве лично участвовать в серьезных переговорах с Вами и остальными советскими руководителями, — писал я. — В этой связи я хотел бы, чтобы Вы нанесли визит в Вашингтон, как только у Вас появится такая возможность. Я отдаю себе отчет в том, что прибыть сюда немедленно Вы вряд ли сможете. Но я хочу, чтобы Вы знали, что я с нетерпением жду встречи, которая могла бы принести пользу обеим нашим странам и международному сообществу в целом».

Горбачев ответил спустя две недели. Таким образом, он завершил первый раунд переписки между нами, которой суждено было продолжаться в течение нескольких лет, и которая насчитывает теперь значительное количество писем. Просматривая их сегодня, я понимаю, что они знаменуют собой с обеих сторон осторожное начало того, что впоследствии стало основой не только лучших взаимоотношений между нашими странами, но и дружбы между двумя людьми.

Горбачев поблагодарил меня за то, что я послал Джорджа на похороны, и выразил меньше враждебности, чем я мог ожидать от советского лидера. Он поддержал идею встречи на высшем уровне, однако не обязательно в Вашингтоне. В общем, его письмо было обнадеживающим.

<...>

Не могу похвастаться, что я с самого начала поверил в то, что Горбачев станет новым типом советского лидера. Напротив, как явствует из этой заметки в моем дневнике через пять недель после

его назначения на пост генерального секретаря коммунистической партии, я был осторожен:

«Встретился с нашим послом в Советском Союзе Артом Хартманом. Он подтвердил мою уверенность в том, что Горбачев будет так же прямолинеен, как любой из их лидеров. Если бы он не был убежденным идеологом, Политбюро никогда бы его не избрало».

С Советами нам придется быть жесткими, как всегда, говорил я Джорджу Шульцу¹ и другим членам группы планирования Совета национальной безопасности, которые помогали мне координировать усилия по улучшению взаимоотношений с СССР, добавив, однако, что нам надо усиленно работать для установления прямых контактов между Горбачевым и мной посредством «тихой дипломатии», — как я записал в своем дневнике, «общаться с Советами с глазу на глаз, а не на бумаге».

Ход теперь был за ним в подготовке встречи на высшем уровне. Я уже посылал ему приглашение.

<...>

Почти в это же время Джордж Шульц сказал мне, что устал и хотел бы уйти в отставку до конца лета. Я ответил, что с тех пор, как он занял пост государственного секретаря, я никогда не представлял себе, что кто-то кроме него может выполнять для меня эту работу. Хотя, добавил я, если он действительно хочет уйти, я не буду держать зла на него. Я сказал также, что он мне действительно нужен, особенно для того, чтобы участвовать в нашей новой попытке договориться с Советами. Мне кажется, я убедил его в том, что он был очень нужен мне для реализации наших планов по улучшению отношений с русскими, и как раз накануне отъезда в Женеву на встречу с Андреем Громыко Джордж согласился остаться на своем посту. Я попросил его порекомендовать Громыко рассмотреть возможность организации встречи на высшем уровне в середине ноября в Вашингтоне, и, если следующая встреча состоится, мы могли бы провести ее в Москве. Если Советы будут настаивать на проведении нашей первой встречи на нейтральной территории, я бы предложил Женеву.

На десяти страницах ответа на мое предыдущее письмо Горбачев подтвердил мои умозаключения о том, что с ним трудно будет иметь дело, а также мое подозрение, что он разделяет многие заблуждения своих предшественников об Америке. Все же письмо Горбачева показало, что он занялся вопросами улучшения наших отношений и уменьшения угрозы ядерной войны так же серьезно, как и я. Касаясь некоторых моих претензий по поводу советского авантюризма в Центральной Америке и других частях света, Горбачев писал:

«В отношении третьих стран мы никому не навязываем ни своей идеологии, ни своего общественного строя. И не надо нам приписывать того, чего нет. Если без дипломатических ухищрений поставить вопрос в том плане, кто способен к международному правопорядку, а кто действует в ином направлении, то получается, что именно США оказываются на стороне группировок, выступающих против законных правительств. А прямое давление на правительства, политика которых не устраивает США? Примеров и тому и другому достаточно на разных континентах...

Я много думаю над тем, как могут сложиться дела между нашими странами. И утверждаюсь в мысли, которую высказал в своем предыдущем письме: улучшение отношений между СССР и США — возможно. Объективные основания для этого есть.

Конечно, наши страны разные. Этого факта не изменить. Есть, однако, и другой факт: когда руководители обоих государств, как показывает опыт прошлого, находили в себе достаточно мудрости и реализма, чтобы преодолеть предубежденность, вызванную различием общественных систем, различием идеологий, мы успешно сотрудничали, делали немало полезного и для своих народов, и для всех других народов. Конечно, различия и разногласия оставались, но определяющим было все же наше взаимодействие. И это открывало уверенную, мирную перспективу...

Что касается утверждений, будто СССР занят своей «крупной исследовательской программой в области стратегической обороны», то, как говорят американцы, тут яблоки путают с апельсинами. Советский Союз не делает ничего, что противоречило бы Договору по ПРО, не создает ударных космических вооружений...

Господин Президент, хочу надеяться, что Вы еще раз внимательно посмотрите на проблему немилитаризации космоса, на ее взаимосвязь с решением вопроса о ядерных вооружениях, и под этим углом зрения — на перспективы женеvских переговоров...»

Горбачев предложил, чтобы обе наши страны продолжали проводить политику взаимных уступок в отношении договоров по ОСВ, включая объявление моратория на испытания ядерного оружия, запрещение распространения оружия в космосе, проведение переговоров по ограничению обычных вооружений в Центральной Европе и продолжение предложенного мною процесса оказания друг другу содействия путем рассмотрения событий глазами оппонента.

«...Одним из источников напряженности в отношениях между СССР и США, — писал он далее, — является расхождение в оценках того, что происходит в мире. Думается, что американская сторона зачастую игнорирует глубинные причины событий и не учитывает в полной мере того, что сегодня в мировой политике действуют — и самым активным образом — множество государств, каждое со своим лицом и интересами. Все это неизмеримо усложняет общую картину. Правильное понимание этого помогло бы избежать серьезных ошибок и просчетов...»

Горбачев намекал, что Советы желали бы выпутаться из войны в Афганистане, и просил нас убедить Пакистан не оказывать поддержку афганским повстанцам. Если бы мы сделали так, это был бы «положительный сигнал» со стороны США.

«Кое-какое движение, — продолжал Горбачев, — вроде бы намечается в области собственно двусторонних отношений между нашими странами. Вы, очевидно, заметили, что мы поддерживаем эту тенденцию. Однако не должно быть недопонимания насчет того, что мы не намерены и не будем вести никаких переговоров по вопросам, относящимся к правам человека в Советском Союзе. Мы, как и любое другое суверенное государство, рассматривали и будем рассматривать эти вопросы в соответствии с существующим у нас законодательством и правилами. Давайте, господин Президент, из этого и исходить, чтобы дополнительно не отягощать наши отношения. В основе развития наших связей могут лежать лишь обоюдная заинтересованность, равенство и взаимная выгода, уважение прав и законных интересов друг друга...

Как я уже говорил представителям американского конгресса, мы живем в такое время, когда люди, формирующие политику СССР и США, обязательно должны встречаться, общаться друг с другом. Если говорить в широком плане, мы за то, чтобы энергично строить мост к взаимопониманию и сотрудничеству, развивать доверие...

Горбачев далее отметил, что он дает позитивную оценку идее организации встречи между нами.

«Что касается места ее проведения, то я понимаю, что есть мотивы, по которым Вы предпочитаете, чтобы встреча состоялась в США, — отмечал он в заключение. — Но у меня есть не менее весомые мотивы, в силу которых при нынешнем состоянии советско-американских отношений этот вариант нереален.

Речь идет о важных делах международных, и нам с Вами следовало бы использовать время для поиска возможных договоренностей, которые могли бы быть приурочены к встрече. Мы со своей стороны целиком за то, чтобы так и было».

Когда Горбачев писал это письмо, возникло новое препятствие на дороге, ведущей к улучшению американо-советских отношений. Нератифицированный, но взаимно соблюдаемый Договор ОСВ-2² истекал 31 декабря, в то время как наше новое оружие, разработанное в рамках программы стратегической модернизации, должно было быть введено в строй. Если бы мы приняли его на вооружение, нам надо было бы уничтожить устаревшее оружие для того, чтобы остаться в рамках ОСВ.

Нужно ли нам было продолжать нашу политику, придерживаясь данных ограничений, даже зная, что Советы здесь нечисты на руку? Окончательное решение по этому вопросу необходимо было принять через год, в момент спуска на воду первой новой

подводной лодки с ракетами «Трайидент». Если бы мы продолжали придерживаться ОСВ-2, нам было бы необходимо сдать в металлолом устаревшую подводную лодку с ракетами «Посейдон», обладавшую оружием меньшей мощности.

У меня всегда были большие сомнения по поводу договоров ОСВ. Кэп Уайнбергер³ разделял эту точку зрения. Поскольку он был убежден, что русские нарушают эти договоры, он хотел двигаться вперед и начать развертывание подводных лодок, оснащенных ракетами «Трайидент», но не снимать с вооружения подлодки с ракетами «Посейдон». Некоторые из моих консервативных сторонников тоже высказывали подобную точку зрения по этому поводу. Они были уверены, что Америка будет глупо выглядеть, продолжая придерживаться ограничений по договору ОСВ в ответ на обман со стороны Советов. С другой стороны, госдепартамент, кабинет министров и некоторые из наших представителей на переговорах по контролю над вооружениями говорили, что лучше для нас проявить сдержанность и остаться в рамках договоров, так как, доказывали они, мы мало что выиграем в военном отношении, поступив иначе; русские до сих пор действовали в соответствии с наиболее важными положениями договоров, которые ограничивают наступательные вооружения, и это было бы «красной тряпкой» для них и тех сил в мире, которые надеются на замедление гонки вооружений.

Хотя все мы согласились, что Советы двурушничают в отношении количественных ограничений ОСВ, мы знали, что доказать это было бы трудно перед судом общественного мнения из-за двусмысленностей в текстах договоров.

На ближайшее будущее я решил придерживаться политики внимательной и осторожной сдержанности, как это явствует из записей в моем дневнике, относящихся к июню 1985 года:

«4 июня

Встреча СНВ по поводу того, что делать с положениями ОСВ-2, которые мы и Советы должны соблюдать, но которые они нарушают. В сентябре по нашему договору мы должны демонтировать ракетные установки “Посейдон”. Мне снова высказали пять мнений на этот счет, и не по одному не был достигнут консенсус. Наши союзники хотят, чтобы мы продолжали соблюдать ОСВ-2. Надо решить до понедельника...

6 июня

Я принял решение по поводу ОСВ-2. Мы продолжим проявлять сдержанность в вопросах строительства ядерных вооружений. Эта сдержанность позволит нам остаться в рамках ОСВ-2, но только соразмерно сдержанности со стороны Советов и только на тот период, пока Советы будут соблюдать ОСВ-2.

10 июня

...Сегодня мы сообщили конгрессу и всему миру, что намерены делать с ОСВ-2. Видимо, мое решение было верным — по крайней мере меня называют государственным деятелем и левые, и правые».

Несколькими днями позже я получил жесткое письмо от Горбачева, в котором он критиковал размещение нами ракет «Першинг-П» и крылатых ракет в Европе, а также мою оговорку при объявлении решения придерживаться и далее положений ОСВ-2 (я оставил за собой право изменить свое решение, если мы вновь убедимся в нарушениях договора Советами).

«Начну с того, — писал Горбачев, — что изложенная Вами версия, как складывались и как обстоят дела сейчас в ключевой области советско-американских отношений — в вопросах ограничения и сокращения стратегических вооружений, — не выдерживает сопоставления с фактами...

Опасный порог переступили США тогда, когда они предпочли отбросить Протокол к Договору ОСВ-2, вместо того чтобы безотлагательно заняться, как это и было предусмотрено, решением тех вопросов, которые были в нем оговорены. Речь шла о вопросах кардинального порядка — об ограничениях и запрещениях целых классов вооружений. Не секрет, чем руководствовалась американская сторона, предпринимая этот шаг: хотела получить преимущество за счет развертывания крылатых ракет большей дальности. В результате уже сегодня приходится иметь дело с тысячами таких ракет. Тщательно выверенный баланс интересов, заложенный в основу договоренности, США вознамерились резко качнуть в свою сторону. Сейчас, я полагаю, Вы видите, что этого сделать не удалось. И у нас развертываются крылатые ракеты, которые мы предлагали запретить. Но мы готовы договориться о запрете и сейчас, если бы США, перейдя на почву реальности, согласились бы пойти на такой важный шаг.

Очевидным обходом, то есть несоблюдением, американской стороной Договора ОСВ-2, стало развертывание в Западной Европе новых ядерных средств, предназначенных для решения стратегических задач. В этом, господин Президент, мы видим попытку, используя географические факторы, получить для Соединенных Штатов по существу монополию на использование оружия в ситуации, аналога которой у нашей страны нет. Знаю, что с вашей стороны делается подчас ссылка на необходимость некоего регионального баланса. Но и тогда непонятно, почему США отказываются решить этот вопрос таким образом, чтобы в зоне Европы было установлено равновесие по ракетам средней дальности, когда у СССР было бы не больше ракет и боезарядов на них, чем имеют сейчас Англия и Франция. Такая формула не ущемляла бы ничьих интересов. А перекося за счет американских ракет в Европе уже не является балансом.

Хотелось бы, однако, чтобы у Вас было ясное понимание того, что на практике стратегический паритет между нашими странами будет сохраняться. Иной ситуации мы себе не представляем и не допустим. Вопрос, однако, в том, на каком уровне будет этот паритет — на снижающемся или на возрастающем. Мы — за первое, за снижение уровня стратегического противостояния. Ваше правительство, судя по всему, предпочитает второе,

надеясь, видимо, что на каком-то этапе США все же удастся вырваться вперед. Такова суть нынешней ситуации.

Стоит ли удивляться, что переговоры у нас с вами ведутся, а процесс практического ограничения вооружений остается прерванным. Было бы, наверно, полбеды, если бы этот процесс сохранялся просто замороженным. Но даже этого нет. Программа “Звездных войн” — я должен сказать это Вам, господин Президент, — уже на нынешней стадии серьезным образом подрывает стабильность. Мы настоятельно советуем Вам свернуть, пока дело не зашло слишком далеко, эту резко дестабилизирующую и опасную программу. Если положение в этой области не будет скорректировано, то у нас не останется другого выхода, кроме как принять меры, необходимые для нашей и наших союзников безопасности.

Договор ОСВ-2 — важный элемент стратегического равновесия, и эту его функцию надо ясно понимать, равно как и то, что нельзя, по известному выражению, съесть пирог и одновременно иметь его нетронутым.

Ваш подход определяется тем, что стратегические программы, осуществляемые Соединенными Штатами, вот-вот натолкнутся на ограничения, установленные Договором ОСВ 2, и выбор делается не в пользу договора, а в пользу этих программ. И этого не отменить и не скрыть, скажу прямо, неблагоприятными попытками обвинять Советский Союз во всех смертных грехах...

Все эти бесконечные доклады о мнимых советских нарушениях и их публикация никакой полезной цели не служили и служить не могут, если руководствоваться задачей сохранения и продолжения процесса ограничения вооружений. Что там скрывать, цель тут иная: бросить тень на политику Советского Союза вообще, посеять недоверие к нему и создать искусственный предлог для форсированной бесконтрольной гонки вооружений. Все это для нас стало давно уже очевидным.

С уважением

М. Горбачев

22 июня 1985 года».

Мы оба говорили открыто. Но мы не только разговаривали. Хотя Горбачев отказался приехать в Вашингтон на встречу в верхах, он согласился встретиться со мной в Женеве в ноябре.

<...>

Тем временем мы стали замечать признаки и других изменений в Кремле, хотя еще не представляли себе, что они могли значить. Двумя неделями ранее по инициативе Горбачева Андрея Громыко назначили Председателем Президиума Верховного Совета СССР, на чисто протокольную должность, которая положила конец двадцатипятилетней карьере Громыко в качестве министра иностранных дел.

Его преемником стал Эдуард Шеварднадзе, партийный деятель из советской республики Грузия, о котором мы знали относительно мало. В конце июля Джордж Шульц вылетел в Финляндию

на встречу с Шеварднадзе и для подготовки предстоящей встречи в верхах. Позвонив из Хельсинки по кодированному телефону, Джордж сказал мне, что его инстинктивная реакция на нового советского министра иностранных дел позитивна: он хоть и был жестким, но менее враждебным и более представительным, нежели Громыко.

Когда было объявлено о планах проведения встречи на высшем уровне, я дал указание сотрудникам Белого дома и кабинета министров не делать ничего, что могло бы намекнуть на наши ожидания большого прогресса на встрече в Женеве.

Джордж Шульц сказал мне: если единственное, чего удастся достигнуть, будет соглашение о новой встрече в верхах — это уже успех.

Пока я занимался этим делом, я хотел распознать Горбачева, убедить его, что имею серьезные намерения в отношении уменьшения ядерной угрозы. «Давайте рисовать крупной кистью, чтобы не дать мелочам повлиять на ход обсуждения», — говорил я.

По мере того как события развивались, Горбачев и я продолжали переписку со многими повторениями, так как оба хотели показать друг другу, на какой позиции стоит каждый из нас.

Вот часть письма, полученного мной от Горбачева в сентябре 1985 года, которое обобщает советский подход к США до встречи в Женеве:

«Уважаемый господин Президент!

Хотел бы высказать некоторые соображения и мысли в продолжение нашей с Вами переписки, и особенно в связи с приближающейся нашей личной встречей.

Я исхожу из того, что оба мы весьма серьезно подходим к этой встрече и тщательно к ней готовимся. Круг проблем, которые нам предстоит обсудить, уже достаточно четко обозначился. Эти проблемы одна другой важнее.

Конечно, между нашими странами существуют немалые различия, разница в подходах по целому ряду принципиальных вопросов. Все это так. Но вместе с тем реальность такова, что наши страны должны сосуществовать, нравимся мы друг другу или нет. Если бы дело дошло до военной конфронтации, это стало бы катастрофой для наших стран, для всего мира. Судя по Вашим высказываниям, господин Президент, Вы также исходите из недопустимости военного столкновения между СССР и США.

Коль скоро это так, то есть если предотвращение ядерной войны, снятие военной угрозы есть наш взаимный, причем доминирующий интерес, необходимо, как мы считаем, использовать его в качестве главного рычага, с помощью которого можно кардинальным образом изменить характер отношений между нашими странами, сделать их конструктивными, стабильными и тем самым содействовать улучшению общей обстановки в мире. Именно это центральное направление в наших отношениях и надо

задействовать в оставшееся до встречи в ноябре время, на самой встрече и после нее.

Здесь, по нашему убеждению, есть немалые возможности. Моя с Вами встреча может послужить хорошим катализатором для их реализации. Как представляется, мы вполне могли бы достичь четкого взаимопонимания о недопустимости ядерной войны, о том, что в ней не может быть победителей, решительно высказаться против стремления к военному превосходству, попыток ущемить законные интересы безопасности другой стороны.

Вместе с тем мы убеждены, что взаимопонимание подобного рода должно органически сочетаться с ясно выраженным намерением сторон предпринять действия материального характера в плане ограничения и сокращения вооружений, прекращения гонки вооружений на земле и недопущения ее в космосе.

Именно такая договоренность явилась бы выражением решимости сторон действовать в направлении устранения военной угрозы. При согласии в этом главном вопросе нам, думаю, будет легче находить взаимопонимание и развязки по другим проблемам.

Какие конкретные меры необходимо иметь в виду прежде всего? Разумеется, те, которые относятся к решению комплекса вопросов, касающихся космических и ядерных вооружений. Договоренность о немилитаризации космоса — это единственный путь к самым радикальным сокращениям ядерных вооружений. Мы за то, чтобы неукоснительно идти по этому пути, и решительно настроены искать взаимоприемлемые решения. Думается, что в этой области обеим сторонам нужно действовать энергично, не откладывая решений. Хотелось бы рассчитывать, что на момент нашей с Вами встречи мы сможем иметь уже какие-то положительные результаты.

В связи с некоторыми положениями, содержащимися в Вашем письме от 27 июля с. г., замечу, что свое отношение к американской программе создания ударных космических вооружений и широкомасштабной системы противоракетной обороны мы высказывали неоднократно. Оно основывается не на эмоциях или субъективных взглядах, а на фактах и реалистических оценках. Еще раз подчеркну: реализация этой программы проблему ядерных вооружений не решит, лишь усугубит ее, причем с самыми негативными последствиями для всего процесса ограничения и сокращения ядерных вооружений.

Между тем немало можно сделать параллельными или совместными усилиями наших стран для того, чтобы притормозить и остановить гонку вооружений прежде всего на ее главном — ядерном направлении. Именно с этой, а не с какой-то иной целью нами был сделан и ряд односторонних практических шагов.

Господин Президент, и Вы и я превосходно понимаем значение, которое имеет проведение ядерных взрывов с точки зрения эффективности существующих ядерных вооружений и создания их новых видов. Соответственно, прекращение ядерных испытаний действовало бы в обратном направлении. Этим мы руководствовались, принимая решение о прекращении любых ядерных взрывов и обращаясь к США с призывом присоединиться к нам. Посмотрите на этот вопрос непредвзято. Ведь ясно, что при нынешнем уровне ядерных вооружений, имеющих у наших стран, совместное прекращение ядерных испытаний не причинит ущерба безопасности ни одной из них.

Поэтому если есть действительное намерение вести дело к остановке гонки ядерных вооружений, то взаимный мораторий не может вызывать возражений, а польза от него была бы большая. Продолжение же ядерных испытаний — хотя бы и в присутствии чьих-то наблюдателей — было бы не чем иным, как все той же гонкой. У США еще есть время принять правильное решение. Подумайте, как много это значило бы. И не только для советско-американских отношений.

Но мораторий на ядерные испытания — это, конечно, еще не радикальное решение проблемы предотвращения ядерной войны.

Для этого необходимо решить весь комплекс взаимосвязанных вопросов, являющихся предметом переговоров между нашими делегациями в Женеве.

Совершенно очевидно, что в конечном итоге от исхода этих переговоров в решающей степени будет зависеть, сумеем ли мы остановить гонку вооружений, решить задачу ликвидации ядерного оружия как такового. К сожалению, положение дел в Женеве вызывает серьезную тревогу.

Мы еще раз со всех сторон и очень тщательно обдумали, что можно было бы тут сделать. И хочу предложить Вам следующую формулу: стороны договариваются полностью запретить ударные космические вооружения и действительно радикально, скажем на 50 процентов, сократить свои соответствующие ядерные вооружения.

Другими словами, мы предлагаем практическое решение задач, которые были согласованы в качестве целей женевских переговоров: будет не только прекращена гонка ядерных вооружений, но и резко сокращен уровень ядерного противостояния; одновременно будет предотвращена гонка вооружений в космосе. В результате многократно укрепится стратегическая стабильность, существенно возрастет взаимное доверие. Такой шаг со стороны СССР и США должен будет, думается, стимулировать участие в ядерном разоружении и других держав, обладающих ядерным оружием, на значение чего Вы указывали в одном из своих писем.

Мы реально смотрим на вещи и понимаем, что столь радикальное решение потребует времени и усилий. Тем не менее мы убеждены, что решить эту задачу можно. Для этого, во-первых, нужно принципиальное совпадение политических подходов. И, во-вторых, при наличии такого совпадения важно договориться о практических мерах, способствующих достижению этих целей, включая приостановку работ по созданию ударных космических вооружений и замораживание ядерных арсеналов на их нынешних количественных уровнях при запрещении создания новых видов и типов ядерных вооружений.

Кроме того, крупными практическими мерами могли бы явиться снятие с боевого дежурства и демонтаж согласованного количества стратегических вооружений сторон, а также взаимное обязательство воздерживаться от размещения любого ядерного оружия в тех странах, где его сейчас нет, и не наращивать запасов ядерного оружия и не заменять его на новое в тех странах, где оно размещено.

Разумеется, требует решения и вопрос о ядерных вооружениях средней дальности в Европе. Хотел бы вновь подчеркнуть: Советский Союз за его радикальное решение, при котором, как было предложено нами в Женеве, у СССР оставалось бы в европейской зоне не больше соответствующих средств, считая по боеголовкам, чем их имеется у Англии и Франции.

Предлагая практические меры по ограничению вооружений и разоружению, мы, разумеется, имеем в виду, что они должны сопровождаться соответствующими согласованными мерами контроля. В одних случаях это были бы национальные технические средства, в других, когда это действительно необходимо, — они могли бы сочетаться с процедурами двустороннего и международного характера.

Я не пытался дать исчерпывающий перечень мер по ограничению вооружений и военной разрядке. Здесь могут быть и другие меры. Мы с интересом выслушали бы предложения американской стороны на этот счет. Главное, чтобы обе стороны были готовы действовать в конструктивном направлении с целью создать полезный задел, в том числе, по возможности, и для встречи на высшем уровне.

Господин Президент, по понятным причинам я уделил особое внимание центральным проблемам, стоящим перед нашими странами. Разумеется, при этом мы не умаляем значения региональных проблем и вопросов двусторонних отношений. Я исхожу из того, что эти вопросы будут тщательно обсуждены Э. А. Шеварднадзе и Дж. Шульцем под углом зрения сближения позиций, а еще лучше — нахождения там, где это возможно, практических решений.

Мы надеемся, что в ходе бесед, которые будут у нашего министра иностранных дел с Вами и государственным секретарем, а также посредством активной работы на женевских переговорах, в Стокгольме, в Вене и путем обмена мнениями по дипломатическим каналам в остающееся до нашей с Вами встречи время удастся обеспечить такое положение, что эта встреча будет по-настоящему результативной.

Нам думается, что итоги этой подготовительной работы так же, как и результаты наших с Вами обсуждений на самой встрече, могли бы быть отражены в соответствующем совместном документе. Если Вы согласны с этим, то, полагаю, стоило бы поручить нашим министрам договориться о том, как можно было бы организовать работу над таким итоговым документом.

С уважением,

М. Горбачев

12 сентября 1985 года».

После встречи группы планирования СНБ, за несколько дней до того, как Шеварднадзе привез это письмо в Вашингтон, я сделал следующую заметку в своем дневнике: «Принимая решение, мы не стали бы торговаться по поводу нашей программы исследований — СОИ⁴ — в обмен на обещание Советов сократить ядерное вооружение».

Кэп Уайнбергер глубоко верил, что нам надо пресекать все попытки Советов ограничить исследования в области СОИ. Наши ученые и инженеры, говорил он, достигают значительных успехов и с каждым днем приобретают все большую уверенность в том, что станет возможным решить невероятно сложную задачу засечки ракет, поднимающихся из бункеров на земле, и их перехвата из космоса.

Кэп сказал, что его особенно злит то, что русские муссируют вопрос об исследованиях в рамках СОИ, в то время как сами они проводят подобные исследования в течение более чем двадцати лет. Хотя я целиком был согласен с Кэпом в этом, я все же иногда просил его приглушать свои публичные высказывания о Советах и одергивал, когда он пытался заставить меня разговаривать с русскими резче, чем я считал разумным в свете наших попыток улучшить отношения с ними.

Когда мы достигли согласия о проведении встречи на высшем уровне, я здраво решил смягчить тональность моей риторики, для того чтобы избежать ответной реакции Горбачева и его критических замечаний об «империи зла».

В этот период Кэп и Джордж Шульц частенько не ладили друг с другом (как раз тогда Бэд Макфарлейн⁵, который тоже имел значительные трения с Кэпом, начал собирать их вместе на еженедельных завтраках, для того чтобы сгладить противоречия) по поводу того, как вести себя с русскими, что отражает запись в моем дневнике от 11 сентября 1985 года:

«...Встречался с Джорджем Шульцем на предмет встречи в верхах. Я чувствую, что, по мнению Бэда, “оборона” собирается быть несговорчивой и не хочет ничего урегулировать с Советами. Не могу с этим согласиться. Единственное, что я знаю наверняка, это то, что я не откажусь от СОИ за предложение со стороны Советов ограничить вооружения... Придется вырасти до размеров нового пуленепробиваемого плаща и уехать домой».

После того как Эдуард Шеварднадзе побывал в Вашингтоне с письмом от Горбачева, чтобы подготовиться к встрече в верхах, я потом видел его мельком в ООН в Нью-Йорке и сделал в своем дневнике следующую запись: «Он — представительный парень, но у нас были разногласия. Моей целью было отправить его обратно к Горбачеву с посланием относительно того, что я действительно считал “сокращением вооружений”; впервые они говорили о процедуре настоящей проверки. Теперь мне надо решить, что ответить на письмо Горбачева».

После встречи группы планирования СНВ, на которой обсуждались различные возможности 50-процентного сокращения ядерного оружия — то же предложение я сделал еще в 1983 году, — я писал: «Полагаю, что мы подрываем их пропагандистский план, предлагая встречный вариант, который подчеркивает принятие нами некоторых их цифр, как, например, 50-процентное сокращение вооружений и сохранение по 6000 боеголовок и т. д. Это очень уж похоже на то, что мы предложили раньше».

Вот выдержки из моего ответа на письмо Горбачева, которое в значительной степени обобщает нашу позицию накануне женевской встречи:

«Уважаемый господин Генеральный секретарь!

Как я говорил министру иностранных дел Шеварднадзе в Нью-Йорке 24 октября, я внимательно изучил Ваше письмо от 12 сентября. Темы, поднятые Вами, важны, мысли, изложенные Вами, во многом интересны, и мне хотелось рассмотреть их тщательно, прежде чем ответить. Многие

из специфических моментов, на которых Вы останавливаетесь в своем письме, обсуждали или будут обсуждать наши делегации на женевских переговорах по контролю над вооружениями или наши министры иностранных дел. В этом письме, таким образом, я хочу сосредоточиться на наиболее важных, на мой взгляд, вопросах, которые Вы затронули.

Вы предположили в своем письме, что мы могли бы достигнуть понимания по поводу недопустимости ядерной войны и по поводу других принципов, которыми мы должны руководствоваться. Министр иностранных дел Шеварднадзе уже предложил на наше рассмотрение особый стиль разговора.

Как я неоднократно пояснял, я действительно считаю, что ядерная война не может быть выиграна и никогда не должна быть развязана. Я, по сути дела, дал распоряжение госсекретарю Шульцу обсудить данный вопрос с министром иностранных дел Шеварднадзе во время их встречи на следующей неделе. Поскольку мы затронули этот и прочие элементы, которые могут фигурировать в любом документе, подписанном нами в Женеве, я считаю важным тщательно взвешивать наши слова. Опыт прошлого показал, что небрежный или риторический язык порождал ожидания, которые, принимая во внимание состязательный аспект наших взаимоотношений, на который вы ссылаетесь в своем письме, оказывались необоснованными.

Чтобы избежать последующего недопонимания и разочарования, наши собственные позиции должны быть ясными и конкретными. Я уверен, что существует устойчивая общая почва для широкого круга тем, которые мы продолжаем обсуждать в связи с нашей предстоящей встречей, и я позволю себе надеяться, что эта общая почва может быть расширена во время нашей встречи в Женеве. Государственный секретарь Шульц будет готов конкретно обсудить все Ваши предложения во время его пребывания в Москве. Я верю, Вы убедитесь в том, что мы в самом деле готовы пройти свою часть пути для того, чтобы обеспечить продуктивность нашей встречи.

Я хочу, однако, обратиться к Вашему ответу на предложения, сделанные нами ранее в Женеве на переговорах по контролю над вооружениями, которые были предварены Вашим письмом и которые ваша делегация впоследствии вынесла на обсуждение в Женеве. Мы занимались оценкой вашего контрпредложения в течение последнего месяца. Как я заявил в своем обращении к ООН 24 октября, я полагаю, что в нем есть рациональные зерна, которые необходимо взрастить, и что в течение ближайших недель мы будем стремиться к установлению настоящего процесса взаимных уступок.

Для того чтобы дать развитие этому процессу, я одобрил новое и всеобъемлющее предложение, разработанное на основе позитивных элементов Вашего контрпредложения, для сведения воедино позиций обеих сторон. Я попросил наших представителей на переговорах продлить текущий раунд, чтобы позволить вашим экспертам достичь полного понимания нашего подхода. Новое предложение охватывает три аспекта дискуссии на женевских переговорах. Оно сводится к предложению радикального и стабилизирующего сокращения стратегических наступательных вооружений и отдельному предложению по ракетным системам среднего радиуса действия, которые объединяют американскую и советскую позиции. Мы также предлагаем,

чтобы обе стороны представили заверения в том, что их стратегические оборонительные программы находятся и будут оставаться в полном соответствии с договором по ПРО. Такие заверения предполагают разрешение наших текущих разногласий в соответствии с данным договором.

В области стратегических вооружений США согласны со стремлением к 50-процентным сокращениям стратегических наступательных вооружений. Наше предложение построено на этом, причем принцип 50 процентов применяется таким образом, что обеспечивает справедливость и позволяет увеличить стабильность. В области ядерного оружия среднего радиуса действия мы также искали элементы, которые считаем сходными с нашей позицией. Хотя я твердо уверен, что лучший результат был бы достигнут при полной ликвидации ракет средней дальности с обеих сторон, в нашем новом предложении мы также пошли вам навстречу. В области обороны и космоса нам сегодня необходимо начать разработку системы совместного перехода к повышению надежности обороны, и мы хотели бы завязать более конструктивный диалог о том, как этот переход можно осуществить с обеих сторон. Мы разработали наш подход таким образом, чтобы можно было прийти к взаимоприемлемому решению относительно радиуса действия ядерных и космических вооружений; оценить взаимозависимость между наступательными силами и обороной; обсудить те животрепещущие вопросы, которые Вы и Ваши представители на переговорах считают вопросами огромной важности для Вас. Уверен, что это новое предложение сможет создать базис для незамедлительного и настоящего прогресса в решении многочисленных и многогранных вопросов, стоящих перед нами в области ядерного и космического вооружений, и я надеюсь его обсудить с Вами в Женеве в конце месяца.

В Женеве у нас будет также возможность обсудить прочие проблемы, касающиеся наших взаимоотношений. Придется проделать большую работу, если мы будем иметь возможность достичь определенных успехов в вопросах региональных и двусторонних отношений. Надеюсь, что визит в Москву госсекретаря Шульца послужит стимулом для ускорения прогресса в течение ближайших недель.

В заключение позвольте еще раз сказать, что я жду встречи с Вами и искренне надеюсь, что мы сумеем вывести наши страны на курс меньшей конфронтации и более тесного сотрудничества в ближайшие годы. Я лично не пожалею сил, чтобы так и было.

С уважением,

Рональд Рейган

31 октября 1985 года».

В начале ноября Джордж Шульц провел в Москве четырехчасовую встречу с Горбачевым, чтобы обсудить вопросы, выдвинутые на рассмотрение в Женеве. Горбачев, сказал он, не собирается быть покладистым. «Видимо, успехов немного, — писал я в дневнике после разговора с Джорджем по закодированному телефону из Москвы. — Горбачев упирает на то, что мы должны поступиться СОИ. В общем, это будет история о том, как непреодолимая сила встретилась с несдвигаемым объектом».

Про себя я решил: надо предложить Советам поделиться технологией СОИ. Это, думал я, должно убедить их, что она никогда не будет представлять для них опасность.

По возвращении в Вашингтон после встречи с Горбачевым Джордж сказал, что считает его разумным человеком, уверенным в себе, с хорошим чувством юмора и, видимо, облеченным всей полнотой власти в Советском Союзе. Но добавил, что Горбачев, кажется, находится под влиянием антиамериканской, антикапиталистической пропаганды — помимо прочих фальшивок о нас он верил, например, что американцы ненавидят Советы и что наши производители оружия контролируют экономику и возбуждают людей антисоветской пропагандой в целях сохранения гонки вооружений.

Да, подумал я, в Женеве надо будет уединиться с ним в комнате и поговорить начистоту.

Накануне нашего вылета в Женеву я выступил с обращением к нации, в котором отметил, что мы находимся на переломном этапе истории, когда существует уникальная возможность проложить курс мира в ХХI век, и я действительно так думал.

В Женеве на встрече с Михаилом Горбачевым я ставил своей целью начать процесс, который наши преемники и народы наших стран продолжили бы после нашего ухода. Цель Америки в Женеве, сказал я, не только избежать войны, но и укрепить мир; не только предотвратить конфронтацию, но и начать процесс уничтожения источников напряженности, ведущих к этой конфронтации; не только на бумаге изложить наши разногласия, но и признать и оценить их реалистично; вдохновить разговор не только между лидерами и дипломатами, но и между народами наших стран. “С самого начала ядерной эры каждый американский президент стремился к ограничению и окончанию опасного состязания в области ядерного вооружения. Для меня нет выше цели, чем окончательно воплотить эту мечту”, — сказал я.

Отправляясь в Женеву, я также собирался следовать старой русской поговорке «Доверяй, но проверяй».

Мы покинули базу ВВС «Эндрюс» на самолете номер один ВВС США вскоре после 8 часов утра 16 ноября 1985 года. Как раз перед вылетом мы узнали, что Советы разрешили нескольким своим гражданам, состоящим в браке с американцами, воссоединиться со своими супругами в США. Одна из жен не видела своего американского мужа 11 лет. Во время некоторых моих опытов в области «тихой дипломатии» я высказал мнение, что такое решение по воссоединению разбитых семей принесло бы нам обоим пользу, и решение Советов было воспринято мною как позитивный сигнал накануне встречи.

В Женеве мы направились во временную резиденцию «Ля Мэзон де Сосур», красивую виллу на Женевском озере, которую нам предложил принц Карим Ага-Хан и его супруга на время проведения встречи. Вид из окна, выходявшего на ухоженные парки виллы, был восхитителен.

На следующий день мы совершили поездку на виллу «Флер д'О», представлявшую собой 24-комнатное здание, где должна была состояться наша первая встреча, затем Нэнси и я прогулялись на берег озера и заглянули в лодочный домик, куда я решил пригласить Горбачева для конфиденциальной беседы. Она согласилась, что это превосходное место для приватной встречи, которую я наметил.

Обычно на встречах в верхах настоящая работа проводится заранее дипломатами и специалистами с обеих сторон, которые, на основании указаний своих начальников, выполняют черновую работу и разрабатывают соглашения, которые должны быть подписаны на встрече, после чего высшие руководители входят и присутствуют при формальной процедуре.

Еще при Брежневe я мечтал о личной встрече с глазу на глаз с советским лидером, так как думал, что мы смогли бы принять решения, которые дипломаты наших стран не имеют возможности принять из-за отсутствия у них соответствующего разрешения. Иными словами, я полагал, что, когда высшие чины переговариваются и беседуют на встрече в верхах, а потом вдвоем выходят рука об руку и говорят: «Мы договорились о том-то», — бюрократы не смеют свести договор на нет. До Горбачева у меня никогда не было возможности опробовать мою идею. Теперь я имел шанс.

Нэнси⁶ и я спали неважно, так как ожидали начала встречи, но я не чувствовал себя уставшим. Кровь бурлила в жилах. Мне не терпелось начать. По сути дела, подготовка к встрече началась пятью годами раньше, когда мы начали укреплять нашу экономику, восстанавливать наш национальный дух и перестраивать оборону. Я был готов.

Утром 19 ноября я ждал Горбачева на вилле «Флер д'О». Когда мне сообщили, что его машина прибыла, я поспешил на крыльцо и сделал несколько шагов вниз по лестнице, чтобы поприветствовать его. Он был одет в теплое пальто, на голове шляпа; я — с открытой головой и в костюме. Почему пресса отметила тот факт, что он был укутан, а я нет, — не знаю. Полагаю, это была лишь толика того огромного внимания, которое уделялось встрече, но, как бы то ни было, репортеры, которые вели счет, отдали мне предпочтение в первом раунде встречи на высшем уровне, потому что я выглядел более непринужденно. (Я сделал это непреднамеренно;

в следующий раз, когда мы были на улице, я был одет в пальто — мне не хотелось лишний раз выделяться.)

Когда мы кивнули друг другу в первый раз, я вынужден был признать — как это и предсказывали Маргарет Тэтчер и премьер-министр Канады Брайан Малруни⁷, — что в облике Горбачева было что-то притягательное. В его глазах и манерах чувствовалось тепло, а не холодность, граничащая с неприязнью, которую я наблюдал у большинства высших советских руководителей, с которыми до сих пор встречался.

Наше первое заседание планировалось как 15-минутный тет-а-тет, встреча для знакомства. Она продолжалась почти час, и нам удалось растопить лед, затем мы присоединились к пленарному заседанию, где каждого из нас поддерживала команда специалистов и экспертов. Я дал возможность Горбачеву выступить первым, и тот пустился в пространные рассуждения, доказывая, что у американцев нет причин не доверять Советам и что мы не должны ставить предварительных условий к нашей дискуссии. Как Джордж Шульц и предсказывал, Горбачев сказал, что он верит, будто американские производители вооружения являются принципиальным препятствием на пути к миру с американской стороны: они, дескать, наш правящий класс, как он заявил, и это они настраивают наш народ против Советов просто потому, что хотят продать больше оружия. Затем он напустился на «мозговой центр» США, который, по его словам, занимался тем же, и высказал претензии по поводу того, что США объявили об установлении зон своего особого интереса по всему миру и в то же время нападают на СССР за то же самое.

Наконец наступил мой черед, и я провел Горбачева через долгую историю советской агрессии, делая точные ссылки на экспансионистскую политику СССР начиная с 1917 года. Я хотел объяснить, почему свободный мир имел достаточно причин выставить охрану от советского блока. Когда мы прервались на обед, я заверил Горбачева, что он может вновь выступить, чтобы опровергнуть меня, и он воспользовался этим, снова доказывая, что у нас не было причин относиться подозрительно к советским людям — они миролюбивые и славные граждане. Когда наступила моя очередь выступить с опровержением, я привел новые причины нашего скептицизма по отношению к Советам, как, например, нарушение Советами обещания Сталина на конференции в Ялте о том, что после второй мировой войны будут проведены свободные выборы в странах Восточной Европы.

После того как я закончил опровергать, слово взяли наши эксперты в области вооружений, образовалась пауза, и я предложил Горбачеву прогуляться вдвоем к лодочному домику, чтобы глотнуть

свежего воздуха и поговорить. Я не успел закончить, а он уже выпрыгнул из своего кресла.

Огонь шумел вовсю, когда мы вошли в коттедж и уселись друг против друга в удобные кресла подле очага. Я подумывал о том, чтобы нам перейти на обращение друг к другу по имени, как наша группа делает на встречах в верхах по вопросам экономики, но наши эксперты рассказали мне, что он вряд ли оценит подобный неформальный жест на нашей первой встрече, и я обратился к нему «господин генеральный секретарь».

Именно в эти первые моменты беседы у камина я сказал, что мы оба находимся в уникальной ситуации. Вот мы, сказал я, два человека, родившиеся в незаметных деревеньках, затерянных на просторах наших стран, оба были бедны и в стесненных условиях. А теперь мы лидеры наших государств и, возможно, два единственных в мире человека, которые могут довести дело до третьей мировой войны.

В то же время, продолжал я, мы, возможно, два единственных в мире человека, которые способны принести мир нашей планете.

Я сказал, что, по-моему, мы обязаны перед миром использовать возможность, предоставленную нам, для развития человеческого доверия друг к другу, которое только и может привести к настоящему миру.

Я наблюдал, как Горбачев слушал перевод моих слов и, похоже, согласно кивнул. Продолжение нашего разговора возле ярко горящего огня убедило меня в истинности моих подозрений о том, что в головах советских руководителей глубоко укоренились некий страх и предубеждения в отношении Соединенных Штатов. Я пытался изменить данную точку зрения. После второй мировой войны, подчеркнул я, у нас была монополия на ядерное оружие, но мы не использовали его в целях агрессии или для того, чтобы распространить свое влияние, поскольку Америка не является экспансионистской страной. Мы не посягали ни на один народ или нацию, мы создали ядерное оружие только затем, чтобы воспрепятствовать советскому нападению. Потом мы стали обсуждать стратегическую оборонную инициативу. Горбачев оказался крепким орешком, я — тоже.

Я рассказал ему, что эти научные изыскания направлены на создание неядерной обороны, что не запрещается договором по ПРО, и если это приведет к разработке антиракетной оперативной оборонной системы, это бы изменило мир.

Я сказал, что пройдут годы, пока мы выясним, имеет ли СОИ практическое значение или нет, но если имеет, США сядут за стол переговоров с другими странами, чтобы обсудить, как она долж-

на использоваться, откроют свои лаборатории перед Советами и предложат плоды своих исследований всем странам, чтобы весь мир смог почувствовать себя в безопасности от ядерного пожара.

Перед нами есть выбор, продолжал я переводя дух, — либо заключить соглашение о сокращении вооружений, либо продолжать гонку вооружений, «и я должен сказать вам, что если мы выберем гонку вооружений, то вы должны понять, что победителя в этой гонке не может быть, поскольку мы не позволим вам одержать над нами верх».

Через час с лишним Горбачев и я решили, что пора нам, видимо, вновь присоединиться к остальным, и мы двинулись вверх по тропинке к основному зданию.

На половине пути, посреди автостоянки, я остановил его, так как интуиция подсказала мне, что время выбрано правильно, и пригласил Горбачева в Вашингтон на следующую встречу в верхах.

Он не только согласился, но и пригласил меня в Москву для проведения третьей встречи. Никто из нас не упомянул об этом, когда мы снова сели за стол, но после окончания заседания, когда я сообщил членам нашей команды, что мы с Горбачевым договорились о проведении еще двух встреч в верхах, они чуть не подпрыгнули до потолка от удивления.

<...> ...На пленарном заседании с членами наших делегаций, мы снова столкнулись лоб в лоб по поводу стратегической оборонной инициативы. Горбачев без лишних слов предположил, что, когда я предлагал поделиться нашими исследованиями по проекту СОИ и открыть наши лаборатории Советам, чтобы они могли убедиться, действительно ли СОИ не предназначена для наступательных целей, я будто бы говорил неправду.

Ни одна страна не сделала бы этого, настаивал он, судя о других на примере собственной страны. Он, казалось, был убежден, что я пытаюсь подставить ножку Советам в гонке вооружений и использовать СОИ в качестве прикрытия для возможности нанесения наступательного первого удара по Советскому Союзу. Вновь он был так же упрям, как и я, и никто из нас не сошел со своих позиций.

Когда я поднял вопрос о советском вторжении в Афганистан, Горбачев ответил, что он лично ничего не знал об этом, пока не услышал передачу по радио, и утверждал, что это война, за которую он не несет ответственности и к которой относится без энтузиазма.

Я дал ему понять, что, каковы бы ни были ее корни, американский народ воспринимает советскую агрессию в Афганистане как пример посягательств большой страны на малую.

<...>

Во время нашей последней деловой встречи несколько ранее в тот день мы с Горбачевым обсудили стиль совместного заявления по итогам встречи в верхах, в котором будет отмечено о нашем взаимном стремлении к 50-процентному сокращению ядерных вооружений и которое будет содержать ссылки на новые соглашения по культурному и дипломатическому обмену. Затем, как я записал в своем дневнике, “мы прервали встречу и наши команды отправились работать над заявлением. Мы вдвоем и переводчики зашли в небольшую комнату и прекратили рассказывать сказки”. Он задал несколько вопросов о Голливуде, и мы обнаружили, что у нас были сходные ситуации в некоторые моменты общения со своей бюрократией. Мы разговаривали около часа с глазу на глаз, потом зашли члены наших делегаций, чтобы показать нам то, что уже было согласовано, и над чем еще предстоит поработать. Затем мы сделали перерыв, чтобы подготовиться к приему у президента Швейцарии.

Затем мы с Нэнси принимали Горбачевых на той самой вилле, которая служила нам временным домом в Женеве. После ужина мы перешли в гостиную, чтобы поговорить за чашкой кофе. Вскоре после того, как мы сели, прибыли руководители делегаций с обеих сторон, которые работали в другом здании над заявлением, и сообщили, что у них уже голова пухнет от проблемы языка, которым должен быть написан окончательный документ. Советская сторона хотела изменить что-то, о чем ранее уже была достигнута договоренность. Джордж Шульц был сильно рассержен этими новыми изменениями. Он утверждал, что советская сторона несет ответственность за возникшую проблему, и обратился прямо к Горбачеву: «Господин генеральный секретарь. Этот человек не соблюдает договоренности, достигнутой ранее вами и президентом Рейганом, и, если мы не придем к соглашению, это будет его вина». Не моргнув и глазом, Горбачев повернулся к своему человеку и сказал: «Делайте так, как мы говорили», — показывая тем самым, что он человек, уверенный в себе и в своей власти.

<...>

На следующий день Горбачев и я огласили наше совместное заявление, и мы с Нэнси вернулись в Вашингтон через Брюссель, где я коротко рассказал о встрече министрам НАТО. Когда мы летели домой, я чувствовал себя хорошо: Горбачев был жестким, твердо верил в преимущества коммунизма над капитализмом, но почти через пять лет я наконец встретил советского лидера, с которым можно разговаривать.

Тогда мне это не пришло в голову, но позже я вспомнил еще кое-что о том, каким видел Горбачева в Женеве: ни разу во время

наших частных бесед или пленарных заседаний он не выказал поддержку старой марксистско-ленинской идее о всемирном коммунистическом государстве или брежневской доктрине советского экспансионизма. Он был первым из знакомых мне советских лидеров, который не сделал этого.

Как только мы добрались домой после почти 24-часового путешествия без сна, я выступил на объединенном собрании конгресса. Я доложил, что мы положили хорошее начало улучшению наших отношений с Советами и что женевская встреча дает надежду на будущее. «Не могу сказать, что наши позиции совпали по таким фундаментальным вопросам, как идеология или национальные устремления, — сказал я, — но мы поняли друг друга лучше, а это — ключ к миру... Впереди у нас долгий путь, но мы идем в правильном направлении...»

Полагаю, воодушевленное приветствие и топот в зале палаты представителей в тот вечер, когда я сделал свой доклад по Женеве, были выражением чувств всех народов мира, которые разделяли надежду на продолжение мира в ядерный век. После я записал в своем дневнике: «Мне не оказывали такого приема с тех пор, как в меня стреляли».

Мы положили начало, но, как нам пришлось потом убедиться, такая эйфория оказалась преждевременной.

На четвертый день по возвращении из Женевы Джордж Шульц снова объявил о своем желании уйти в отставку; он явно перегорел на интенсивной работе и, по моим предположениям, все больше уставал от стычек с Кэпом Уайнбергером. Как и прежде, я ответил, что хочу, чтобы он оставался на своем посту до тех пор, пока я нахожусь в Белом доме, но не буду пытаться отговаривать его от отставки. И снова Джордж выказал свой патриотизм: вместо ухода в отставку накануне подготовки к продолжению процесса, начатого в Женеве, он заявил, что остается на посту. А в последующие три года он неоднократно доказывал, что был одним из самых лучших государственных секретарей за всю историю нашей страны.

Спустя неделю после Женевы я направил Горбачеву письмо, написанное собственноручно, в котором попытался продолжить разговор, начатый с ним наедине у камина, и преодолеть его невосприимчивость к программе СОИ. Вот это письмо:

«Уважаемый Генеральный секретарь Горбачев!

Теперь, когда мы вернулись домой и занялись решением задачи, как повести наши страны к установлению более конструктивных отношений друг с другом, мне не хотелось бы тратить время на разъяснение моих первоначальных мыслей, касающихся наших с Вами бесед. Хотя вскоре я и направлю Вам свои подробные соображения, выраженные в более

официальной форме, вот несколько положений, которые мне хотелось бы изложить в неофициальном, личном порядке.

Прежде всего хочу, чтобы Вы знали, что я расцениваю наши встречи чрезвычайно высоко. Мы договорились высказываться честно и открыто, и так оно и было. В итоге я уехал с женевской встречи с лучшим пониманием Вашего подхода. Надеюсь, Вы тоже стали понимать меня лучше. Само собой разумеется, во многом мы по-прежнему расходимся, и расходимся довольно основательно. Но, если я понимаю Вас правильно, Вы тоже преисполнены решимости предпринимать шаги к тому, чтобы наши народы строили свои отношения на мирной основе. Если это так, то это по меньшей мере один из пунктов, по которому мы находимся в полном согласии, но зато в конечном счете самый важный пункт из всех.

Что касается наших существенных разногласий, то позвольте мне высказать одно-два из моих собственных соображений на этот счет.

В вопросе стратегической обороны и ее влияния на сокращение наступательных ядерных вооружений я был озадачен Вашим предубеждением, что американская программа каким-то образом предназначена для достижения стратегического преимущества или даже для того, чтобы иметь возможность нанести первый удар. Я заметил также Вашу озабоченность тем, как бы под видом исследований и испытаний оружия по программе СОИ не оказались бы разработаны и размещены в космосе наступательные вооружения.

Как я сказал Вам, Ваше беспокойство не имеет под собой оснований. Но я могу понять, и Вы разъясняли мне это весьма красноречиво, что есть такие вопросы, которые нельзя принимать на веру. Согласен, что мы оба обязаны знать, что делает другая сторона, и рассматривать ее мероприятия с точки зрения безопасности своей страны. Я не прошу Вас принимать мои заявления на веру.

И все же правда заключается в том, что у Соединенных Штатов нет намерений использовать программу СОИ для получения каких-то преимуществ и мы не ведем никаких работ по созданию оружия для размещения в космосе.

Наша цель состоит в том, чтобы пресечь любую возможность другой стороны нанести первый удар. Дело обстоит таким образом, что мы могли бы найти практический путь, чтобы устранить выраженное Вами беспокойство.

Так, например, не могли бы участники наших переговоров, когда они вновь возобновятся в январе, честно и конкретно обсудить, какую сторону будущих разработок каждая из сторон сочла бы угрожающей? Похоже, что никто из нас не желает, чтобы наступательные вооружения, особенно оружие массового уничтожения, развертывались бы в космосе. Почему бы нам в таком случае не попробовать определить, какие типы систем обладают таким потенциалом, а затем не попытаться найти поддающиеся проверке способы, чтобы предотвратить их дальнейшую разработку?

А разве не могут участники переговоров подойти более честно и открыто к вопросу о том, как устранить у обеих сторон саму потенциальную возможность нанесения первого удара? В этой сфере у вашей стороны сейчас военное превосходство — тройное превосходство в боеголовках, что позволяет уничтожать даже сильно укрепленные объекты почти вне-

запно. Совершенно очевидно, что это тревожит нас и во многом объясняет, почему мы предпринимаем усилия по модернизации своей программы.

Возможно, Вы ощущаете, что США обладают некоторым превосходством в других сферах. Если это так, то давайте дадим своим делегатам на переговорах указание рассмотреть эти вопросы и отыскать пути усиления безопасности обеих наших стран посредством соглашения о соответствующем сбалансированном сокращении. Если Вы столь же искренне, сколь и я, не стремитесь к достижению или сохранению односторонних преимуществ, то мы найдем решение и этих проблем.

Что касается других ключевых проблем, обсуждавшихся нами, например, проблем региональных конфликтов, то могу заверить Вас, что Соединенные Штаты не считают, будто Советский Союз является причиной всех бедствий современного мира. Но все же мы полагаем, что ваша страна извлекает выгоду из локальных конфликтов и напряженности и даже усиливает их путем поставок оружия и прямого вмешательства в борьбу, возникающую по причинам местного характера. Несмотря на то что мы оба будем, без всякого сомнения, продолжать поддерживать своих друзей, мы должны находить пути к этому без применения вооруженной силы. Вот суть того, что я пытаюсь доказать.

Одним из наиболее важных шагов по уменьшению напряженности в мире — и напряженности в американо-советских отношениях — могло бы стать решение с Вашей стороны о выводе ваших войск из Афганистана. Я внимательнейшим образом изучил Ваши разъяснения по данной проблеме, сделанные в Женеве, и меня обнадежило Ваше заявление о том, что Вы полагаете возможным политическое примирение.

Я хочу, чтобы Вы знали, что я готов сотрудничать любым приемлемым путем, чтобы обеспечить такой вывод, и что я понимаю, что вывод должен произойти таким образом, который не нанес бы ущерба безопасности Советского Союза. Во время нашей встречи я высказал идею, которая, как я думаю, может оказаться полезной, и я с готовностью восприму любые другие предложения, имеющиеся у Вас.

Таковы только два вопроса из ряда ключевых, стоящих на повестке дня. Вскоре я направлю некоторые соображения по другим вопросам. Считаю, что мы должны действовать быстро, чтобы ускорить продвижение, начало которому было положено на нашей встрече.

Я считаю, что наши переговоры один на один в Женеве оказались особенно полезными. У нас обоих имеются советники и помощники, но, как Вам известно, ответственность за сохранение мира и развитие сотрудничества лежит в конечном счете на нас. Наши народы считают нас лидерами, и никто, кроме нас, не возглавит их. Но наше лидерство не будет эффективным, если мы не возвысимся над частными, но второстепенными вопросами, которыми столь загружены наши соответствующие чиновники, и не придадим нашим обоим правительствам сильный толчок в верном направлении.

В заключение хочу сказать, что нам следует посвятить все свое время перед нашей новой встречей поискам конкретных и важных мер, которые придали бы смысл нашим обязательствам относительно мира и сокращения вооружений. Почему бы нам не поставить перед собой цель — пока лишь в личном порядке, только для нас обоих — отыскать практический путь

решения важнейших проблем (а две из них я уже упомянул) до нашей предстоящей встречи в Вашингтоне?

Передайте, пожалуйста, привет от Нэнси и меня лично госпоже Горбачевой. Мы были искренне рады встречаться с Вами в Женеве и с нетерпением ожидаем Вас с супругой в нашей стране в следующем году.

Искренне Ваш,

Рональд Рейган

28 ноября 1985 года».

<...>

В своем ответе на мое письмо от 28 ноября, полученном накануне Рождества, Горбачев сообщил, что ценит личную и рукописную форму моего обращения и что он рад тому, что в Женеве нам удалось «преодолеть серьезный психологический барьер, который долгое время мешал наладить диалог, достойный руководителей СССР и США».

«У меня такое чувство, — пишет он, — что сейчас мы с Вами можем оставить в стороне формальности и заняться сутью дела — определить конкретную повестку дня для обсуждения на ближайшие годы, руководствуясь нашей договоренностью, выправить советско-американские отношения... Согласен с тем, что Вы сказали: никто, кроме нас, в конечном счете обеспечить этого не сможет».

После этих слов он стал разъяснять, почему его страна не может воспринять «ударные космические вооружения» — стратегическую оборонную инициативу, — что, по моему разумению, звучало весьма неубедительно.

Он заявил, что советская оппозиция продиктована тем, что вооружения этого класса в силу своей специфики могут быть использованы и в оборонительных, и в наступательных целях.

«Вы говорите, господин Президент, — писал Горбачев, — что у США нет намерений использовать программу СОИ для получения военного преимущества.

Я не ставлю под сомнение, что лично у Вас таких намерений действительно может и не быть. Но согласитесь, что обязанностью руководства одной стороны является оценивать действия другой в области создания новых видов оружия не по намерениям, а по тем потенциальным возможностям, которые могут быть получены в результате создания этого оружия.

Рассматривая программу СОИ с такой позиции, советское руководство неизменно приходит к одному выводу: в нынешних реальных условиях “космический щит” может понадобиться только той стороне, которая готовит первый (обезоруживающий) удар. Для стороны, которая не исходит из такой концепции, в подобной системе оружия необходимости не должно возникать.

Ведь космические ударные вооружения — это универсальное оружие. Создаваемые в США ударные космические средства — это дальнобойные (с дальностью в несколько тысяч миль и с высокой поражающей мощностью) средства направленной энергии и кинетического оружия. Они способны — это подтверждают ваши и наши специалисты и ученые — в кратчайшие сроки в массовом количестве и избирательно уничтожить удаленные на тысячи миль объекты как в космосе, так и из космоса. Подчеркиваю, на тысячи миль.

Каким, например, считать космическое оружие одной стороны, которое обладает способностью в кратчайшие сроки, измеряемые минутами, уничтожить центры управления космическими средствами, космические аппараты контроля, навигации, связи и т. д. другой стороны?»

Далее Горбачев писал:

«По существу, применение этого оружия может быть рассчитано только на то, чтобы “ослепить”, захватить другую сторону врасплох, лишить ее возможности ответа на ядерное нападение. К тому же, будь это оружие создано, сразу же начинается его совершенствование, придание ему еще более высоких боевых характеристик. Такова закономерность развития любого оружия.

Как же в такой ситуации, господин Президент, должен действовать Советский Союз? Хочу повторить то, что я уже говорил Вам в Женеве. СССР не может просто пойти и не пойдет, в условиях реализации в США программы СОИ, на сокращение ядерных вооружений в ущерб своей безопасности. Волей-неволей мы будем вынуждены развивать и совершенствовать стратегические ядерные силы, повышать их способность к нейтрализации американского “космического щита”. Одновременно нам пришлось бы также создавать свои космические вооружения, в том числе и в целях противоракетной обороны страны. Видимо, США в свою очередь предприняли бы какие-то шаги. В итоге мы так и не вырвемся из порочного круга мер и контрмер, из водоворота все ускоряющейся гонки вооружений. Финал такого противоборства для наших народов и всего человечества непредсказуем.

Уверен, единственно разумный выход — не делать этого. Со всех точек зрения правильный путь для наших стран — переговоры о предотвращении гонки вооружений в космосе и прекращении ее на земле. Причем договариваться необходимо на равных, на взаимоприемлемых условиях”.

Выступая против программы СОИ, Горбачев в то же время ставил под сомнение мою точку зрения относительно огромного арсенала межконтинентальных баллистических ракет, дающего Советам преимущество в гонке ядерного вооружения. Американские ракеты “Трайидент”, запускаемые с подводных лодок, сказал он, позволяют США нанести внезапный удар по Советскому Союзу в более короткие сроки, чем при запуске ракет наземного базирования. Следовательно, они представляют для Советского Союза угрозу большую, нежели советские ракеты для Соединенных Штатов. Он также спрашивал:

“А разве мы можем рассматривать иначе как средство первого удара развернутые в Европе ракеты “Першинг-II” с их высокой точностью и малым временем полета к целям на территории СССР?”

Прошу простить меня, что я занялся этими техническими деталями в личном письме такого рода. Но ведь это жизненно важные обстоятельства, и обойти их просто невозможно.

Поверьте, господин Президент, что у нас реальная и весьма серьезная озабоченность по поводу ядерных средств США. Вы говорите о взаимных озабоченностях. Решить этот вопрос можно только через рассмотрение и учет всей совокупности соответствующих ядерных средств сторон”.

Затем Горбачев высказался по поводу, как я их назвал, “региональных конфликтов”, то есть смягченного выражения советских авантур в странах “третьего мира”. Давайте, писал он, посмотрим на “мир, какой он есть” ...

“Помощь оказываем и мы, и вы. Зачем применять тут двойной стандарт, утверждать, что советская помощь — это источник напряженности, а американская — благодеяние? Давайте лучше руководствоваться в этом деле объективными критериями. Советский Союз помогает законным правительствам, которые обращаются к нему потому, что они подверглись и подвергаются вооруженному вмешательству извне.

А США — таковы факты — инспирируют выступления против правительств, поддерживают, снабжают оружием антиобщественные, по сути, террористические группировки. Объективно глядя на дело, именно такие действия, вмешательство извне и создают региональную напряженность, конфликтные ситуации. Не будет таких действий — и, уверен, напряженность пойдет на спад, а перспективы политического урегулирования станут намного лучше и реальнее.

К сожалению, развитие пока идет в другом направлении. Возьмите, например, беспрецедентное давление и угрозы, которым подвергается законное, избранное народом в ходе свободных выборов правительство Никарагуа.

Буду откровенен: то, что делается Соединенными Штатами в последнее время, настораживает. Похоже, что крен делается как раз в сторону дальнейшего обострения региональных проблем. Подобный подход не облегчает нахождение общего языка, затрудняет поиски политических решений.

Что касается Афганистана, то складывается впечатление, что американская сторона намеренно не замечает “открытую дверь”, ведущую к политическому урегулированию. Сейчас есть и рабочая формула такого урегулирования. Важно не мешать ведущимся переговорам, а оказать им содействие. Тогда справедливое урегулирование определено будет найдено.

Господин Президент, я хотел бы, чтобы Вы отнеслись к моему письму как к еще одной нашей “беседе у камина”. Мне искренне хотелось бы не только сохранить настрой наших женеvских встреч, но и пойти дальше в развитии нашего с Вами диалога. На переписку с Вами я смотрю как на важнейший канал подготовки нашей встречи в Вашингтоне.

До Нового года остается совсем немного, и я хотел бы передать Вам и Вашей супруге наши самые теплые пожелания.

С уважением,

М. Горбачев

24 декабря 1985 года».

Спустя несколько дней после Нового года Джордж Шульц и посол Добрынин⁸ приступили к обсуждению деталей следующей встречи на высшем уровне, и мы направили Горбачеву приглашение приехать в Вашингтон в конце июня.

<...>

Через четыре дня Горбачев прислал мне новое письмо. За несколько часов до его получения мною он огласил в Москве его содержание. (За три недели до этого он писал мне, что ценит неофициальную форму нашей конфиденциальной переписки.) Это последнее письмо было явно рассчитано на пропаганду.

Он писал, что Советский Союз намеревается ликвидировать все ракеты средней и меньшей дальности в Европе, явно пытаясь представить это как советскую инициативу, в то время как на самом деле я еще в 1982 году предлагал применить в отношении ракет средней дальности, размещенных в Европе, «нулевой вариант». Он предложил также ввести мораторий на испытания ядерного оружия и призвал к ликвидации всех видов ядерного оружия обеими сторонами к концу 1999 года, но только при условии, что Соединенные Штаты откажутся от «создания, испытаний и развертывания ударных космических вооружений», — явный намек на СОИ.

Это был очевидный пропагандистский трюк, но мы не могли просто так проигнорировать его.

«Горбачев неожиданно выдвигает план сокращения вооружений, который избавит мир от ядерного оружия к 2000 году, — записал я в своем дневнике 15 января. — Конечно, у него в этом письме содержится парочка-другая дельных предложений, над которыми стоит поработать. Но нет ни малейшего сомнения в том, что в целом это чертовски хитроумная пропагандистская уловка. Нам с трудом придется объяснять, почему мы отвергаем его предложения». Лишь спустя несколько дней я сделал новую запись в дневнике: «В Овальный кабинет, предназначенный для работы сотрудников и заседаний СНБ, ввели пятерых афганских детей. Они были совсем маленькие дети. Но все они пострадали от советских бомбежек. Маленькая девочка с безнадежно изуродованным лицом. Трое детей, каждый без руки, и один ребенок без ноги. Я послал бы их фотографию генеральному секретарю Горбачеву».

Хотя я и был согласен с целями, изложенными в предложениях Горбачева, прежде чем мы смогли бы выработать соглашение, равноправное, доступное контролю и без лазеек в обеспечении нашей безопасности, предстояло разрешить очень большие проблемы.

Большие проблемы в достижении соглашения возникли не только из-за разницы между огромными советскими силами ракет

наземного базирования и нашей триадой — ударными ракетами наземного, морского и воздушного базирования, — но и из-за обычных вооруженных сил стран Варшавского Договора, размещенных в Европе, значительно превосходящих аналогичные силы стран НАТО. Проблема возникла также из-за французских и английских ядерных ракет, которые Советы считали угрозой для себя, но по которым у нас не было полномочий вести переговоры по их сокращению. Проблему представляли также советские ракеты средней дальности, размещенные в Азии и оттуда нацеленные на Европу.

Наконец, хотя я и желал по-настоящему обеспечить безопасную и контролируемого американо-советского соглашения, ликвидирующего к 2000 году ядерное оружие, но что делать с приверженцами Каддафи по всему миру или с фанатиком, который держит палец на пусковой кнопке атомной бомбы?

Программа СОИ, если ее осуществить, дала бы нам нужную гарантию даже после запрещения ядерного оружия. И в этом, решил я, Горбачев столкнулся с непреодолимым препятствием.

Вот отрывок из моей дневниковой записи от 4 февраля 1986 года:

«Группа планирования СНБ обсуждала в Ситуационной комнате предложение Горбачева о ликвидации ядерного оружия. Некоторые хотели представить его как трюк, рассчитанный на публику. Я сказал “нет”. Давайте ответим, что мы в целом разделяем изложенные цели, но сейчас хотели бы проработать детали. Если это предложение — пропагандистский трюк, то детали выявят это. Я предложил также объявить, что мы и впредь будем разрабатывать программу СОИ, а если исследования покажут, что защита от ракет возможна, то мы будем работать над тем, как использовать программу для защиты всего мира, а не только одних нас».

Спустя два дня я направил Горбачеву другое письмо, написанное от руки. В нем содержался ответ как на его послание от 24 декабря, так и на предложение от 14 января. Упрекнув его в том, что он огласил свое письмо, адресованное мне, я далее выразил свое удовлетворение, что мы приближаемся к общему пониманию проблемы ракет средней дальности, и надежду на то, что оставшиеся проблемы, касающиеся контроля за соглашением о ракетах средней дальности, могут быть вскоре доработаны. Я писал также, что согласен с ним в том, что решения должны приниматься не на основе взаимных заверений или намерений, а на основе трезвой оценки возможностей обеих сторон.

«И все же мне непонятны причины, — писал я, — Вашего вывода о том, что только страна, готовящаяся к нанесению первого упреждающего удара, заинтересована в обороне против баллистических ракет. Если такая оборона окажется в будущем осуществимой, она сможет облегчить даль-

нейшее сокращение ядерного оружия, порождая чувство уверенности, что национальная безопасность может быть обеспечена и без ядерного оружия.

Конечно, как я уже говорил ранее, я допускаю, что, добавляя оборонительные системы к арсеналу, и без того перенасыщенному оружием, обладающим возможностями нанесения упреждающего первого удара, можно, при известных условиях, дестабилизировать обстановку. Вот поэтому-то мы и предлагаем, чтобы обе стороны сосредоточились бы в первую очередь на сокращении такого оружия, которое может нанести упреждающий первый удар. Несомненно и то, что если у наших стран не будет оружия для нанесения первого удара, то нечего и опасаться, что для такого удара можно применить противоракетную оборону.

Мне непонятно также, почему Вы. называете ударные космические вооружения “оружием двойного назначения”. Как я понимаю, виды направляемой энергии и кинетические устройства, которые испытываются обеими нашими странами в целях обороны от баллистических ракет, потенциально самое эффективное оружие против отдельных мелких целей, летящих в космосе на большой высоте. Они плохо подходили бы в качестве оружия массового уничтожения на земле. Если бы планировалось поразить наземную цель из космоса, то вряд ли было бы целесообразно прибегать к такой дорогой веземной технике. Ее поражающая сила никогда даже не приблизится к разрушительной силе ядерного оружия, находящегося сейчас в наших руках. Ядерное оружие — вот подлинная проблема!

Господин Генеральный секретарь. В духе искренности, весьма важной для эффективной переписки, мне хотелось бы добавить еще одно соображение. Вы часто говорите об ударных космических вооружениях, а Ваши представители определяют их как оружие, которое может поражать цели в космосе с земли и из атмосферы, и в то же время как оружие, выведенное в космос и могущее поражать оттуда цели в космосе и на земле.

Какая страна обладает таким оружием? Ответ лишь один — Советский Союз. Ваша система ПРО, развернутая вокруг Москвы, в состоянии поражать цели, находящиеся выше атмосферы, и она уже испытывалась в этом качестве.

Ваше орбитальное противоспутниковое оружие создано, чтобы уничтожать спутники. Более того, Советский Союз приступил к научно-исследовательским работам в области обороны по использованию пучков направляемой энергии раньше, чем Соединенные Штаты, и, похоже, преуспел в исследованиях (между прочим, некоторые испытания уже вышли за стены лабораторий) лазеров и других видов направляемой энергии. Я не ставлю это в упрек и не собираюсь заявлять, что такая деятельность ведется в нарушение соглашений, но если бы мы последовали Вашим логическим рассуждениям насчет того, что Вы говорите, будто ударные космические вооружения разрабатываются страной, планирующей первый удар, то к чему бы мы пришли?

Мы видим, что Советский Союз выделяет огромные ресурсы на систему обороны, и эти усилия предприняты им на много лет раньше нас, и мы видим также, что Советский Союз создал свое контрсилное оружие, числом во много раз превосходящее наше аналогичное оружие. Если бы единственной причиной разработки оборонительных вооружений была бы возможность нанесения упреждающего первого удара, тогда, видимо, мы

должны были бы проявлять больше беспокойства, нежели проявляли его до сих пор.

Мы проявляем беспокойство и даже очень сильное, но не потому, что вы разрабатываете и, в отличие от нас, развертываете оборонительное оружие, мы проявляем беспокойство по поводу того, что Советский Союз по каким-то причинам предпочел размещать гораздо больше оружия, способного наносить упреждающий первый удар, нежели Соединенные Штаты. Видимо, тому имеются какие-то причины, а не только попытки добиться преимущества первого удара, но и мы должны оценивать прежде всего возможности, а не намерения, и мы убеждены, что Вы в этой сфере обладаете преимуществом.

Честно говоря, господин Генеральный секретарь, Вас неверно информируют, если ваши специалисты утверждают, будто ракеты “Трайидент”, установленные на подводных лодках, могут уничтожать укрепленные шахты для запуска ракет. А вот ваши ракеты “СС-18” это могут. Современные ракеты “Трайидент” не приспособлены для такой роли, их можно использовать лишь для ответного удара. Нельзя применить в качестве потенциального упреждающего ядерного оружия и ракеты “Першинг-II”, они не могут даже достичь места базирования большинства советских ракет стратегического назначения. Их короткое время подлета незначительно отличается от времени подлета более совершенных и более многочисленных советских ракет “СС-20”, нацеленных на наших европейских союзников, которых мы покланялись оборонять и большинство которых не имеют своего ядерного оружия.

У наших вооруженных сил очень ограниченные возможности поражать советские ракетные установки, укрытые в шахтах. Мы работаем над повышением этих возможностей просто потому, что не можем смириться с ситуацией, при которой Советский Союз обладает столь явным превосходством в контрсилловых вооружениях.

Даже если бы мы завершили все свои планы по размещению космического оружия при отсутствии соглашения по его ограничению, то все равно по количеству оно не сравнялось бы с советскими вооружениями, способными наносить первый удар.

Мне известно, что специалисты расходятся в некоторых оценках, поэтому давайте устроим им встречу, чтобы они обсудили бы свои невыясненные вопросы. Честное обсуждение соответствующих оценок и аргументов, возможно, прояснит эти недоразумения, не основанные на фактах.

В конечном счете мы оба согласились в принципе на пятидесятипроцентное сокращение ядерного оружия. Проведение этого соглашения в жизнь является, конечно же, первоочередной задачей участников наших переговоров, проходящих в Женеве.

Позвольте мне подчеркнуть еще раз, что мы хотим сократить свои системы оружия, которые Советский Союз считает угрожающими, пока Советский Союз будет сокращать свои системы оружия, представляющие особую угрозу для Соединенных Штатов и их союзников.

Что касается оборонительных систем, считаю необходимым повторить то, что уже писал Вам ранее: если Вы опасаетесь, что эти системы могут быть использованы в целях стратегии первого удара или в качестве прикрытия для размещения в космосе оружия массового уничтожения, в таком случае нужно находить пути предотвращения таких возможностей.

Само собой разумеется, что я имею в виду не общие заверения, а конкретные контролируемые средства, на которые могут положиться обе стороны с целью избежать подобные непредусмотренные варианты. Не являются эти варианты и частью стратегии США, и они не планируются. Я искренне верю, что мы можем найти решение этой проблемы, если подойдем к ней практически, а не втягиваясь в обсуждение общих положений. К нашей следующей встрече я больше всего хотел бы найти приемлемый путь решения этой проблемы. Но считаю, что это достижимо при двух предварительных условиях: ускорить переговоры по достижению соглашения о сокращении наступательных вооружений на 50 процентов и обсудить конкретные пути предотвращения использования любых будущих разработок оборонительных систем в качестве маскировки стратегии первого удара или в качестве стационарного оружия массового уничтожения, размещенного в космосе. Помимо этих широких проблем, я считаю, что недавно выдвинутые предложения приближают достижение соглашения по ракетам средней дальности. Есть также предложения по ряду других вопросов.

Что касается региональных конфликтов, то, как мне представляется, наши соответствующие анализы положения дел не совпадают. По моему мнению, мало проку в продолжении обсуждения проблем, по которым мы непременно разойдемся. Предлагаю просто взглянуть на текущие события в прагматическом плане. Думается, нам станут очевидными два непреложных факта. Советский Союз ведет войну в чужой стране, а Соединенные Штаты не ведут. Более того, вряд ли эта война дает Советскому Союзу какие-то выгоды, но почему все же она продолжается? Конечно же, не Соединенные Штаты тому причина. Даже если бы мы захотели, не в нашей власти заставить тысячи людей обратить оружие против хорошо подготовленной иностранной армии, оснащенной самым современным оружием. И ни мы, и никакая другая держава, кроме самого Советского Союза, не в силах прекратить эту войну. А кто осмелится сказать народу другой страны, чтобы он не сражался за свою родину, независимость и национальное достоинство? Надеюсь, что дверь к справедливому урегулированию не закрыта. Само собой разумеется, что мы поддерживаем Вас в этом процессе, и надеемся, что он примет практический и реалистический оборот.

Тем не менее 1985 год отмечен усилением конфликта. Надеюсь, что впоследствии этого не будет. Если Вы действительно хотите уйти из Афганистана, то можете рассчитывать на мое сотрудничество в любой приемлемой форме. У нас нет никакого желания использовать вывод советских войск из Афганистана в ущерб советским интересам. Но военные действия в Афганистане можно прекратить только путем вывода советских войск, возвращения в страну афганских беженцев и восстановления подлинно суверенного, не-присоединившегося государства. Такой исход оказал бы немедленное положительное воздействие на американо-советские отношения и расчистил бы путь прогрессу во многих других сферах...

Проблемы вооруженного участия сверхдержавы в локальных конфликтах не ограничиваются одним Афганистаном. Недавние акции Советского Союза очень нас удручают. Как нам быть с вашей чрезвычайно усилившейся военной поддержкой местного диктатора, объявившего

террористическую войну большинству стран мира и Соединенным Штатам в частности? (Я имею в виду Каддафи, чья вина за взрывы в аэропортах Рима и Вены нами только что установлена.) Как прикажете всерьез воспринимать советские заявления об осуждении терроризма, когда сталкиваешься с таким действием? А что еще более важно: должны ли мы делать вывод, что Советский Союз настолько безрассудно пытается расширить в мире свое влияние, что жертвует своим престижем (и даже жизнями своих граждан) ради прихотей умственно неуравновешенного местного деспота?

Вы выдвигаете против политики США обвинения, которые я не могу принять. Я не собираюсь, однако, дискутировать по этому поводу, а хочу найти выход из положения, при котором один из нас оказывается вовлеченным, прямо или косвенно, в военный конфликт, а затем провоцирует реакцию другого, чтобы конфликт местного значения перерос бы в конфронтацию СССР — США.

Как я уже сказал, считаю, что именно Советский Союз без всякого стеснения поступал таким образом, а теперь сваливает все это на Соединенные Штаты. Нет никакой необходимости заключать соглашение, в котором было бы зафиксировано, кто виноват. Вместо этого мы должны найти путь к прекращению вооруженного участия, прямого или косвенного, обеих наших стран в этих конфликтах и избегать расширения такого участия...

Такова цель моего предложения, выдвинутого в октябре прошлого года, и я хочу призвать все стороны, участвующие в конфликте, к поискам политических решений, в то время как обе наши страны поддерживали бы этот процесс, обязавшись прекратить поставки вооружения и военных материалов в район, охваченный конфликтом.

Налицо немало моментов, по которым мы пока расходимся, а по некоторым из них, возможно, никогда не добьемся соглашения. Тем не менее я твердо убежден, что основные проблемы могут быть решены, если мы подойдем к ним должным образом.

Я чувствую, что мы мало-помалу находим дополнительные пункты, по которым можем найти согласие, и надеюсь, что, сосредоточившись на практических решениях, мы сможем придать процессу еще больший импульс.

Полагаю, что мы должны ускорить процесс переговоров, когда они возобновятся, и надеюсь, что Вы поручите своей делегации в Женеве, как я уже поручил своей, засучить рукава и серьезно взяться за работу.

Когда Вы публично огласили предложения, содержащиеся в Вашем письме от 14 января, я в своем заявлении приветствовал их. Мы вскоре закончим изучение этого письма и я конкретно отвечу на каждое отдельное предложение, выдвинутое Вами в нем.

Нэнси присоединяется ко мне, и мы передаем наши наилучшие пожелания Вам и Вашей супруге.

Искренне Ваш,

Рональд Рейган

6 февраля 1986 года».

Через две недели, на Президентский день, когда Нэнси уехала выступать в Техас, я вновь направил Горбачеву письмо, написанное от руки на семи страницах. В нем содержался ряд новых

предложений, которые, как я надеялся, реанимируют женевские переговоры, а также ответ на его предложения. Ниже приводятся отрывки из этого письма:

«Меня радует, что Вы предложили предпринять шаги, ведущие к миру, свободному от ядерного оружия, хотя мое представление необходимых шагов отличается от Вашего в определенных аспектах. Тем не менее, соглашаясь с главной целью и с необходимостью предпринять конкретные шаги для ее достижения, нам было бы легче преодолеть разногласия в наших подходах на то, каковы должны быть эти шаги. Безусловно, очень важны первые шаги в этом процессе, поэтому, по моему мнению, мы должны сосредоточиться на согласованной выработке этих шагов. Конечно же, если мы стремимся продвигаться к миру, в котором возможна в конце концов ликвидация ядерного оружия, нам и нашим странам необходимо больше доверия и надежды. Мы не можем так просто отмахнуться от подозрений и недоразумений, возникших между нашими двумя странами за последние четыре десятилетия. Процесс сокращения, а в конечном счете и ликвидации ядерного оружия может сам по себе способствовать укреплению доверия и надежды. Но и в моей стране, и, знаю, в вашей тоже найдется немало людей, которые усомнятся в благоразумности ликвидации ядерного оружия, которое обе стороны считают основным гарантом своей безопасности на тот случай, если поведение другой страны окажется угрожающим».

Это значит, писал я, что если мы хотим прогресса в контроле за вооружениями, то должны разработать эффективный инструмент контроля и добиться прогресса в вопросах неядерных вооружений, в региональных проблемах и правах человека.

«Процесс ликвидации ядерного оружия обречен на недолговечность, если мы не решим мирным и достойным доверия способом вопрос нашего соперничества.

Как Вам известно, Соединенные Штаты и их союзники должны сегодня полагаться на ядерное оружие, чтобы сдерживать конфликты как с применением обычного оружия, так и ядерного. В немалой степени такое положение создалось из-за существующего дисбаланса, сложившегося к настоящему времени между неядерными вооруженными силами стран НАТО и государств Варшавского Договора. В результате, поскольку мы будем постепенно сокращать свои ядерные вооружения до нулевой отметки, нужно, чтобы мы одновременно приступили бы к процессу укрепления стабильности всеобщего баланса безопасности между Востоком и Западом, делая при этом особый упор на выравнивание сложившегося дисбаланса в обычных вооружениях, укрепление мер доверия и достижение доступного проверке глобального запрета химического оружия...

Что касается вопроса космического оборонительного оружия, то Ваше предложение относительно научно-исследовательских работ в области стратегической оборонной инициативы в некоторой степени необъяснимо. Я по-прежнему полагаю, что ограничения на эти работы не могут быть действенными и в любом случае их нельзя достоверно проконтролировать.

Поэтому их нельзя включать в соглашение. Помимо научно-исследовательских работ, как я и говорил в Женеве, если будут ликвидированы ядерные ракеты, тогда, естественно, окажется ненужной и оборона против них. В чем я убежден, так это в том, что некоторые виды неядерного оружия могли бы внести вклад первостепенной важности в безопасность и стабильность. Что касается ядерных испытаний, то я полагаю, что, пока мы рассчитываем на ядерное оружие как на сдерживающий фактор, мы должны продолжать его испытания, чтобы быть уверенными в дальнейшей безопасности. Однако, как я писал Вам в декабре прошлого года, я не вижу причин, почему бы нам не обсудить вопрос о ядерных испытаниях одновременно с обсуждением вопросов контроля за другими вооружениями. Я предложил тогда начать двусторонний диалог с целью предпринять конструктивные шаги в этом направлении. Я по-прежнему надеюсь, что Вы примете эти предложения...»

После этого я перечислил свои соображения по поводу широкого пакета предложений, направленных на сокращение ядерного, обычного и химического оружия. Что касается стратегических вооружений, то я призвал к сокращению боеголовок на стратегических баллистических ракетах до четырех с половиной тысяч с обеих сторон, а крылатых ракет воздушного базирования, установленных на тяжелых бомбардировщиках, — до полутора тысяч.

«В результате этого, — писал я в письме, — общее число боеголовок на средствах доставки стратегических ядерных зарядов не будет превышать шести тысяч единиц. Что касается ракет среднего действия, то к 1987 году Соединенные Штаты и Советский Союз, вместе взятые, ограничат свои силы РСД (ракеты с ядерными зарядами среднего радиуса действия), развернутые в Европе, 140 пусковыми установками с каждой стороны (что соответствует моему предложению о поэтапном сокращении вооружений), причем Советский Союз предпримет одновременное пропорциональное сокращение в Азии. В течение следующего года обе стороны произведут дальнейшее сокращение числа ракетных пусковых установок в Европе и Азии наполовину. Наконец, к концу 1989 года обе стороны полностью ликвидируют этот вид вооружений».

В моем предложении содержался также призыв к широкому сокращению обычных вооруженных сил в Европе.

«Надеюсь, — писал я, — что эта концепция даст возможность проложить приемлемый путь нам обоим к цели, к которой стремится весь мир. Как только создадутся условия для создания неядерного мира, эта цель будет достигнута...

В заключение позвольте мне выразить свое согласие с Вами в том, что мы должны конструктивно поработать перед Вашим визитом в США, чтобы подготовить конкретные соглашения по всему кругу вопросов, обсуждавшихся нами в Женеве. Никто из нас не питает иллюзий относительно главных проблем, стоящих перед нашими двумя странами, но мне хотелось бы заверить Вас, что я преисполнен решимости энергично

работать вместе с Вами в поисках практических решений этих проблем. Согласен с Вами, что мы должны использовать нашу переписку в качестве важнейшего канала связи для подготовки Вашего визита.

Нэнси и я хотели бы передать Вам, госпоже Горбачевой и членам Вашей семьи наши наилучшие пожелания. Надеемся, что наступивший год принесет значительный прогресс нашему общему делу — улучшению отношений между нашими двумя странами и укреплению безопасности.

Искренне Ваш,

Рональд Рейган

22 февраля 1986 года».

К началу 1986 года мы все больше убеждались в том, что советская экономика находится в состоянии развала. Я понимал, что, если не произойдет чуда, очередной виток экономического спада вынудит Горбачева подписать договор о сокращении вооружений, который устраивал бы нас обоих. Я был уверен, что если мы и дальше будем проводить свою прежнюю политику, то добьемся этого.

Горбачев пытался поправить положение дел в своей стране, но все шло со скрипом и страшно медленно. Рассматривая сложившуюся ситуацию как бы с его точки зрения, я приходил к выводу, что в первую очередь он должен урезать огромные расходы на вооружения. Жизненность нашей экономики, которая после спада резко пошла на подъем, буквально лишала его сна, и он должен был понимать, что, пока Советы продолжают гонку вооружений, мы будем опережать их.

<...>

Договор ОСВ-2, хотя и не был ратифицирован, имел для многих либералов в конгрессе символическую важность. Он представлял собой один из тех немногих случаев, когда сверхдержавы согласились ограничить свои ядерные вооружения. Я с пониманием относился к такому символическому значению. Но в договоре было полно неточностей, которыми пользовались русские, и я начал публично говорить, что мы можем перестать соблюдать его положения из-за нечестной игры Советов, пока не появятся свидетельства соблюдения договора русскими.

В начале апреля ко мне приехал посол Анатолий Добрынин. Он получил новое назначение — секретарем ЦК КПСС и руководителем внешней политики КПСС, то есть стал, по сути дела, главным внешнеполитическим советником Горбачева. Он сообщил, что Горбачев с удручением воспринял мое решение продолжать ядерные испытания и возможный отказ от твердого соблюдения Договора ОСВ-2. В этой связи он считает, что еще не пришло время определять дату нашей встречи в верхах в Вашингтоне. Я решил, что Советы притворяются. После встречи я записал в своем днев-

нике: «Чувствую, что встреча состоится если не в июне — июле, то где-то вскоре после выборов».

Вот выдержки из письма Горбачева, переданного мне Добрыниным:

«Хотел бы поделиться некоторыми общими раздумьями, которые возникают у меня, да, наверное, и у Вас по поводу состояния и перспектив отношений между нашими странами. Причем, думаю, за точку отсчета надо взять нашу встречу в Женеве, где мы совместно взяли определенные обязательства».

Наши с Вами оценки ее, полагаю, совпадают: она была нужной, полезной, внесла определенный стабилизирующий элемент в отношения между СССР и США, в общую обстановку в мире. Естественно, что она вызвала и немалые надежды на будущее.

С момента женевской встречи прошло уже более четырех месяцев. У нас возникает вопрос: почему же все-таки дела складываются не так, как, казалось бы, это должно было быть? Где же реальный поворот к лучшему? Мы в советском руководстве расценили женевскую встречу как необходимость переводить принципиальные понимания, достигнутые там, в конкретные действия, имея в виду дать импульс нашим отношениям, наращивать в них позитивную динамику. Именно так мы и действовали после Женевы.

Исходя из этого, мы выдвинули широкую конкретную программу мер по ограничению и сокращению вооружений, по разоружению. В плане новых подходов к поиску взаимоприемлемых решений действовали советские делегации в Женеве, Вене, Стокгольме.

Как же действовали США? К сожалению, приходится констатировать, что сближения позиций, которое открывало бы реальную перспективу на достижение договоренностей, пока не произошло. Не буду входить в детали, давать здесь оценку американским позициям. Но один момент хотел бы отметить. Складывается впечатление, что наши инициативы очень часто пытаются представить как пропаганду, как стремление выиграть в глазах общественного мнения, как желание поставить другую сторону в неудобное положение. Никаких подобных расчетов у нас не было и нет. Да и наши инициативы легко проверить на деле. Наша цель — договариваться, решать вопросы, которые касаются СССР, США и, по существу, всех других стран.

Я специально остановился на этом, чтобы Вы правильно, непредвзято, по-деловому относились к нашим предложениям. Уверен, что в таком случае договариваться будет легче.

А что происходило в это время вне переговоров? Разумеется, у каждого из нас свой взгляд на политику другой стороны. Но опять-таки, разве Советский Союз в международном плане, в двусторонних отношениях делал что-то, способствующее нагнетанию напряженности или направленное в ущерб законным интересам США? Могу однозначно сказать: нет, такого не было.

С другой стороны, мы слышим все более яростные филиппики в адрес СССР, а также видим немало действий, прямо направленных против наших интересов, да и, скажу откровенно, против того, чтобы наши отношения

становились более стабильными и конструктивными. Это усиливает недоверие к политике США и отнюдь не создает благоприятного фона для встречи на высшем уровне. Говорю об этом без обиняков, с тем чтобы не возникало здесь недоразумений, неправильного понимания, будто только одна сторона должна проявлять сдержанность и позитивный настрой. Наши отношения складываются не в вакууме, и их общая атмосфера — понятие вполне материальное. Чем она спокойнее, тем легче решать вопросы, в которых заинтересованы в равной мере обе стороны.

То, что решать их надо, — сомнений нет. И прежде всего это относится к области безопасности. Наши предложения Вам известны, они охватывают все важнейшие направления. При всем том хочу особо обратить Ваше внимание — мы не ставим вопрос так: все или ничего. Мы за то, чтобы двигаться шаг за шагом, и определенные возможности на этот счет обозначались нами, в частности, на переговорах по ядерным и космическим вооружениям.

Серьезно и взвешенно подошли мы к вопросу о прекращении ядерных испытаний. Не хотелось бы терять надежды, что мы сможем практически решить этот вопрос так, как этого от нас ждут в мире. Вряд ли стоит говорить, сколь важен этот вопрос сам по себе. Его решение несет и большой позитивный политический потенциал...

Желанием обеспечить взаимодействие в деле прекращения ядерных испытаний, подать добрый пример всем ядерным державам продиктовано мое недавнее предложение встретиться с Вами специально по этому вопросу в одной из европейских столиц. Посмотрите еще раз на это предложение, господин Президент, в широком политическом плане. Повторяю, речь идет о специальной, целевой встрече. Конечно, она никак не заменяла бы той новой большой встречи, о которой мы условились в Женеве.

О ней я очень серьезно размышляю, прежде всего с той точки зрения, чтобы она была действительно значимой, существенной, чтобы она позволила нам продвинуться в реализации достигнутых в Женеве фундаментальных пониманий. Некоторые вопросы из области безопасности, над которыми стоило бы поработать при подготовке к встрече, я, как Вы знаете, называл. Подтверждаю, мы готовы самым серьезным образом искать здесь решения, которые были бы взаимоприемлемыми и не наносили бы ущерба безопасности ни одной из сторон. При взаимном желании можно было бы определиться насчет и других возможностей для договоренностей в контексте предстоящей встречи как в области космических и ядерных вооружений, так и по вопросам, обсуждаемым на других форумах. Разумеется, у нас есть что обсудить и в региональных делах.

Полагаю, что Вы тоже работаете над всеми этими вопросами, и в последующей переписке мы сможем более конкретно и предметно сопоставить наши взаимные наметки в целях сближения позиций. Очевидно, такой совместной работе, в том числе и по подготовке нашей с Вами встречи, будут способствовать обмены мнениями на других уровнях и прежде всего предстоящие контакты наших министров иностранных дел.

Буду с интересом ожидать Ваших соображений.

С уважением,

М. Горбачев

2 апреля 1986 года».

Спустя две недели после налета нашей авиации на Ливию советский представитель выступил в защиту Каддафи и представил его как героя и невинную жертву нашей предполагаемой агрессии, а Эдуард Шеварднадзе отменил запланированную встречу с Джорджем Шульцем, на которой должна была быть определена дата встречи в верхах.

В конце того же месяца произошла трагическая авария на советском ядерном реакторе в Чернобыле⁹. Я послал Горбачеву письмо, где, помимо соболезнования, выразил свое разочарование в связи с несостоявшейся встречей Шульца с Шеварднадзе. Вот выдержки из моего письма:

«Мы сделали жест доброй воли, начав подготовку ряда серьезных дискуссий на высшем уровне, необходимых для проведения нашей встречи. Я сожалею, что нам не удалось провести их. Хотя в некоторых областях и были предприняты конструктивные шаги, мы потеряли полных шесть месяцев, улаживая проблемы, которые в большей степени заслуживали нашего личного внимания. Надеюсь, Вы согласитесь, что пришло время сосредоточиться на вопросах, поставленных в ноябре в Женеве. Со своей стороны я готов к этому. Как я уже сказал, в ходе нашей следующей встречи я очень хочу достичь реальных практических результатов. Согласен с Вами, что необходима атмосфера, способствующая прогрессу. Мои предложения самым тщательным образом основаны на Ваших замечаниях по вопросам повестки дня и направлены на поиск взаимоприемлемых подходов к некоторым ключевым моментам.

На атмосферу наших отношений также отрицательно влияют некоторые газетные публикации. Я намерен в своих публичных заявлениях еще раз подтвердить свою твердую личную приверженность делу достижения осязаемого прогресса во всех областях наших отношений в течение оставшегося срока работы моей администрации.

Господин Генеральный секретарь, наше недавнее прошлое дает нам немало примеров того, что, если мы будем добиваться идеального момента, чтобы попытаться разрешить наши противоречия, мы вряд ли чего-нибудь достигнем. Мы должны полностью использовать преимущества нынешнего момента, поскольку теперь настало время исторических, а не исключено, и уникальных возможностей. Давайте не будем упускать этот шанс».

Через несколько дней я объявил, что, поскольку Советы продолжают пренебрегать Договором ОСВ-2, Соединенные Штаты больше не считают себя связанными его обязательствами. Честно говоря, я просто устал жить по правилам, когда другая сторона то и дело их нарушает. В то же время я продолжал политику умеренности в своих публичных выступлениях о Советах и заявил, что верю в искренность стремления Горбачева положить конец угрозе ядерной войны.

Затем я предпринял свой третий важный шаг: в конце июля послал Горбачеву новые широкомасштабные предложения по со-

кращению вооружений, основанные на решениях, достигнутых в ходе обсуждений в течение ряда недель в нашем правительстве.

Я предлагал обеим сторонам ликвидировать все баллистические ракеты, одновременно продолжая работы по системам противоракетной обороны. Если бы эти системы удалось создать, мы их передали бы всем странам при условии одновременного уничтожения всех ядерных ракет. В своем дневнике я сделал следующую запись: «Если подобные исследования покажут, что такое оборонительное оружие возможно создать, после совместного наблюдения за испытаниями (новой системы) мы могли бы договориться о его развертывании, предварительно уничтожив все МБР, после чего эта система обороны стала бы доступной для всех».

В ходе обсуждений, на которых было выработано это предложение, некоторые наши эксперты по ограничению вооружений и по военной политике хотели, чтобы я намекнул Советам о нашем желании увязать СОИ с большими уступками со стороны Советов в области наступательных вооружений.

Кэп Уайнбергер, второй после меня адвокат стратегической оборонной инициативы, сказал, что если Советы узнают о расколе в американской администрации и решат, что я отказываюсь от СОИ, то это сыграет на руку Москве и ухудшит наше положение на переговорах. Мне кажется, что он был обеспокоен тем, что сторонники уступок по СОИ смогут переубедить меня. Но волноваться ему не стоило. Я был тверд в поисках альтернативы политике “гарантированного взаимного уничтожения” и как можно настойчивее и чаще заявлял в частных беседах и публичных выступлениях, что СОИ — «не предмет торга».

<...>

На следующий день Джордж Шульц привез советского министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе в Белый дом для передачи ответа Горбачева на мое письмо. Когда Шеварднадзе вошел в Овальный кабинет, он обнаружил, что у него нет с собой письма. По ошибке он оставил его в советском посольстве. Несколько сопровождающих его агентов КГБ сразу же уехали за письмом, а когда вернулись через полчаса, попытались пройти в Овальный кабинет. Охранники из моей секретной службы заявили: “Ни в коем случае. Мы не позволим агентам КГБ входить в Овальный кабинет”. Те выразили протест. Наконец после длительной перебранки (о чем я узнал позже) они пришли к компромиссу: советский переводчик подошел к двери Овального кабинета и там сотрудник КГБ передал ему письмо. Переводчик отдал его Шеварднадзе, а тот вручил его мне.

Пока ожидали письма, Шеварднадзе рассказал мне основное содержание послания Горбачева. Тот хотел встретиться со мной уже

в следующем месяце в Лондоне или в Исландии и выяснить, не можем ли мы ускорить процесс ограничения вооружений до нашей встречи в Вашингтоне. После этой беседы я записал в дневнике:

«Я выбрал Исландию. Эта встреча будет предварять встречу в верхах. Я на это согласен, но ясно дал понять, что мы хотим, чтобы Данилофф был возвращен нам до того, как состоится встреча. Я объяснил советскому министру, что очень сержусь и осуждаю обвинения Данилоффа в шпионаже после того, как лично поручился за него. Я вкратце просветил его о различиях между нашими системами и сказал ему, что им не понять то значение, которое мы придаем отдельной личности, поскольку у них отсутствуют подобные понятия. Мне понравилось мое раздраженное состояние».

Помимо приглашения на незапланированную встречу Горбачев в своем письме отмечал, что ему малоинтересна инициатива в контроле над вооружениями, чему мы уделили так много времени и усилий в июле. Вот выдержки из его письма:

«После получения Вашего послания от 25 июля 1986 г., которое было внимательно рассмотрено, произошли некоторые события и инциденты негативного плана. Это лишнее свидетельство того, сколь чувствительны отношения между СССР и США и как важно высшему руководству двух стран постоянно держать их в поле зрения, оказывать стабилизирующее воздействие всякий раз, когда амплитуда их колебаний приобретает угрожающий характер.

<...>

Вот и возникает вопрос: а как же быть с атмосферой, столь необходимой для нормального хода переговоров и, конечно, для подготовки и проведения встречи на высшем уровне?

Советский Союз за период после Женевы много делает, чтобы атмосфера эта была благоприятной и чтобы переговоры обеспечили практическую подготовку к нашей с Вами новой встрече.

По основным вопросам ограничения и сокращения вооружений — ядерных, химических, обычных — нами предприняты интенсивные усилия в поисках конкретных развязок с целью кардинального понижения уровня военного противостояния в условиях равнозначной безопасности.

Однако в духе той откровенности, которая начала складываться в нашем с Вами диалоге, господин Президент, должен Вам сказать, что общий характер действий США в международных делах, позиции, которые их представители отстаивают на переговорах и консультациях, то, что содержится в Вашем послании, — наводят на очень серьезные, тревожные мысли.

Приходится констатировать, что, по существу, так и не началась реализация договоренностей, достигнутых нами в Женеве, об улучшении советско-американских отношений, ускорении переговоров по ядерным и космическим вооружениям, об отказе от стремления к военному превосходству... Мнения о причинах такого хода дел излагались нами в переписке и публично, и я со своей стороны не хочу здесь повторять нашу оценку ситуации.

Напрашивается прежде всего вывод: а готово ли вообще и хочет ли на деле американское руководство искать соглашений, которые вели бы к прекращению гонки вооружений, к реальному разоружению. Ведь это факт, что до сих пор мы ни на дюйм не приблизились, несмотря на энергичные усилия Советской Стороны, к договоренности о сокращении вооружений.

Изучив Ваше письмо, изложенные в нем предложения, я задумался, куда же они ведут с точки зрения поиска развязок.

Первое. Вы предлагаете нам согласиться с тем, чтобы Договор по ПРО просуществовал еще 5–7 лет. Тем временем осуществлялись бы работы, которые бы его разрушали. Получается не продвижение вперед, а осложнение даже того, что было раньше.

Мы предложили, чтобы любые работы в области противоракетных систем ограничивались пределами лабораторий. А нам в ответ оправдывают разработку космического оружия и его испытания на полигонах, заранее провозглашают намерение через 5–7 лет начать развертывание широкомасштабных систем ПРО и тем самым перечеркнуть Договор. При этом прекрасно понимают, что мы на это не согласимся. Мы видим здесь обходный канал к получению военного превосходства.

Господин Президент, полагаю, помнит наш разговор в Женеве на эту тему. Я тогда сказал, что если США будут рваться с оружием в космос, то мы помогать им не будем. Сделаем все, чтобы обесценить такие усилия, сорвать их. Могу заверить — у нас для этого есть все возможности, которыми, если придется, мы воспользуемся.

Мы за укрепление режима Договора по ПРО. Именно это соображение лежит в основе нашей позиции о невыходе работ за стены лабораторий и неукоснительном соблюдении Договора по ПРО в течение до 15 лет. В таком случае можно было бы — и мы это предлагаем — договориться о значительных сокращениях стратегических наступательных вооружений. Мы готовы без задержек пойти на это, и тем самым на практике было бы показано, что ни одна из сторон не стремится к военному превосходству.

Второе. По ракетам средней дальности Советский Союз предложил оптимальное решение — полную ликвидацию американских и советских ракет в Европе. Мы согласились и на промежуточную договоренность, причем без учета модернизации ядерных средств Англии и Франции.

Вопрос о контроле — после наших известных шагов навстречу — также, казалось бы, перестал быть препятствием. Однако американская сторона теперь “обнаружила” другое препятствие — советские ракеты средней дальности в Азии. Тем не менее считаю, что и здесь можно найти взаимоприемлемую формулу, и готов ее предложить.

Третье. Глубокое разочарование, и не только в Советском Союзе, вызывает отношение Соединенных Штатов к мораторию на ядерные испытания. Администрация США всячески старается обойти эту ключевую проблему, перевести ее в плоскость рассуждений о других вопросах.

Вы знаете мою точку зрения на этот счет: отношение той или иной страны к прекращению ядерных испытаний — это пробный камень политики в области разоружения и международной безопасности, да и вообще в деле сохранения мира.

Доводы, будто ядерные испытания нужны для обеспечения надежности ядерного арсенала, — не основательны. Для этого сейчас существуют дру-

гие методы, без ядерных взрывов. Ведь не проводят же США испытания мощностью свыше 150–200 килотонн, хотя 70 процентов американского ядерного арсенала, да и у нас не меньше, составляют заряды, превышающие по мощности этот порог.

Современная наука в сочетании с политической готовностью пойти на любые адекватные меры проверки, вплоть до инспекции на местах, обеспечивает эффективный контроль за отсутствием ядерных взрывов. Так что и здесь есть поле для взаимоприемлемых решений.

Я особо остановился на трех вопросах, которые представляются мне главными. Именно по ним ждут от СССР и США положительных решений. Они беспокоят весь мир, их обсуждают повсюду. Разумеется, мы за результативное обсуждение и других крупных вопросов — таких, как сокращение вооруженных сил и обычных вооружений, запрещение химического оружия, региональные проблемы, гуманитарные вопросы. Надо и здесь искать общие подходы, добиваться взаимодействия. И все же ключевыми остаются те три вопроса, о которых сказано выше.

Но по ним никакого движения за почти год после Женевы нет. Размышляя над этим и обдумывая Ваше последнее письмо, я пришел к убеждению, что переговоры нуждаются в очень серьезном импульсе, иначе они будут и впредь топтаться на месте, создавая лишь видимость подготовки к нашей с Вами встрече на земле Америки.

Они ни к чему не приведут, если мы с вами не вмешаемся лично. Убежден, что мы сможем найти развязки, готов обстоятельно обсудить с Вами все возможные подходы к ним, наметить такие шаги, которые позволили бы — после быстрой проработки на уровне соответствующих ведомств — сделать мой визит в США действительно продуктивным, результативным. Ведь именно этого ждут во всем мире от второй встречи руководителей США и СССР.

Надеюсь на Ваш скорый ответ.

С уважением,

М. Горбачев

15 сентября 1986 года».

Я сказал Шеварднадзе, что не буду отвечать на предложение Горбачева, пока не освободят Данилоффа¹⁰. (Выступая на следующей неделе на Генеральной Ассамблее ООН, я резко отозвался о его аресте, а также о действиях Советов в Афганистане и в других регионах. Я почти был уверен, что делегаты коммунистических стран в ООН покинут зал, но никто не ушел. Тем не менее над Данилоффом по-прежнему был занесен топор, что я и отразил в следующих записях в дневнике:

«24 сентября

Перебранка между Джорджем Шульцем и Шеварднадзе продолжается и в ООН. Становится все яснее, что Советы постепенно сдаются. Мы выигрываем. Советы больше не называют его шпионом. Они именуют его «американским гражданином».

<...>

30 сентября

Лихорадочный день. Приехал в Белый дом в 10.05 и помчался в конференц-зал объявлять о встрече в верхах в Исландии 10–12 октября. Джордж Шульц только что сделал сообщение о Захарове и Орлове. Уже ясно, что пресса готова поверить, что я сдался и пошел на обмен Захарова на Данилоффа. В конце дня газетные столпы пытались обвинить меня в капитуляции... Данилофф прилетел в Вашингтон. Завтра днем я увижу его. Захаров на пути в Россию».

При окончательном анализе мы пришли к выводу, что настояли на своем, Советы пошли на попятную. Но (и это вызвало много нареканий со стороны консерваторов из числа моих сторонников) мы проявили при этом сдержанность, чтобы не торпедировать намеченную встречу в верхах.

Не думаю, что кризис, вызванный арестом Данилоффа, привел бы к срыву встречи в Рейкьявике. Считаю, что Горбачев, как и я, понимал, как высока была ставка и действовал осмотрительно, чтобы не повредить возможному успеху на встрече в Рейкьявике.

В Рейкьявике в один прекрасный день мои надежды на безъядерный мир ненадолго высоко воспарили, а затем резко обрушились. В тот тягучий день я был удручен и даже обозлен как никогда за все время моего президентства. Наши встречи в Исландии проходили в доме с прекрасным видом на океан. Сначала состоялась краткая беседа с Горбачевым наедине, но вместе с переводчиками. Потом он попросил привлечь к переговорам Джорджа Шульца и Шеварднадзе. Вот в таком составе и велись переговоры между нашей четверкой в оставшиеся два дня, в общей сложности в течение десяти часов.

Горбачев попытался ограничить переговоры вопросами контроля за вооружениями. Однако я начал их с протеста против нового советского отказа своим гражданам эмигрировать по религиозным убеждениям или для воссоединения разъединенных семей. Я поднял также афганскую проблему и высказался по поводу продолжавшихся подрывных действий Советского Союза в странах «третьего мира». Горбачев все это молча выслушал. Я предъявил список тысячи двухсот евреев, которые хотели бы уехать из России, передал его Горбачеву и снова повторил, что советская политика по правам человека мешает улучшению наших отношений. Я также спросил его, почему Советы отказались от своих обязательств закупить в США шесть миллионов тонн зерна. Он ответил, что Советский Союз не может позволить себе этого из-за падения цен на нефть, что сократило приток валюты, необходимой для закупки пшеницы.

После этого вступления мы с Горбачевым на протяжении полутора дней все же добились прогресса в области сокращения

вооружений, прогресса, который даже сейчас выглядит довольно впечатляющим.

В первый день работы Горбачев в принципе согласился с нашим нулевым вариантом ликвидации ядерных ракет в Европе и с моим предложением, сделанным в июле того же года относительно ликвидации всех баллистических ракет в течение десяти лет.

День тянулся медленно, мне было интересно узнать, не объясняют ли чернобыльская авария и пожар, случившийся на борту советской ядерной подводной лодки за несколько дней до нашей встречи, почему Горбачев с такой готовностью снова стал обсуждать проблему полной ликвидации ядерного оружия. Излучаемая в Чернобыле радиация сделала невозможным проживание тысяч и тысяч людей в родных местах, а ведь эта радиация была гораздо слабее радиации, излучаемой в результате взрыва лишь одной ядерной боеголовки. Во время беседы мне пришла мысль, а не заставил ли Чернобыль Горбачева подумать об эффекте ракеты с десятью ядерными боеголовками?

Мы вели переговоры всю вторую половину дня. Я внес предложение: на первой фазе плана ликвидации ядерных вооружений отдать на слом половину наших ракет и в то же время продолжать исследовательские работы систем ПРО. Когда настанет время проводить испытания СОИ, Соединенные Штаты разрешат советским наблюдателям присутствовать на этих испытаниях и, если испытания продемонстрируют эффективность системы (и поскольку мы сократим наполовину свой ракетный арсенал к тому сроку), каждая из наших сторон уничтожит оставшуюся половину своих ракет и обе будут пользоваться всей технологией СОИ. Через десять лет, когда все баллистические ракеты будут ликвидированы, каждая из сторон одновременно развернет свою систему СОИ.

Когда Горбачев стал возражать против СОИ, я сказал, что мы будем твердо придерживаться положений Договора по ПРО и согласны не размещать систему в одностороннем порядке в течение десяти лет.

В конце того тягучего дня Джордж Шульц внес предложение, чтобы мы кратко проинформировали бы свои делегации о ходе переговоров, а те изложили бы в письменной форме, по каким вопросам достигнуто согласие и какие острые проблемы остались нерешенными. Члены делегаций ушли работать и сидели над документами до полседьмого утра. Джордж и я были этим очень тронуты.

Следующим днем было воскресенье. Мы прозаседали полдня, до обеда. Мы рассмотрели и единогласно одобрили отчет, составленный членами наших делегаций по итогам предыдущего дня, а затем приступили ко второму раунду переговоров.

Помимо проблемы ядерных баллистических ракет мы согласились обсудить также вопросы сокращения и полной ликвидации других видов ядерного оружия, в том числе тяжелых бомбардировщиков, а Горбачев согласился с необходимостью принять строгую и взаимоприемлемую процедуру контроля и проверки.

Когда я заявил, что мы не можем ликвидировать тактическое ядерное оружие в Европе, так как это основное сдерживающее боевое средство против возможного вторжения гораздо больших обычных вооруженных сил стран Варшавского Договора, Горбачев пошел на резкое сокращение своих обычных вооруженных сил. Такое сокращение мы всегда рассматривали как необходимую предпосылку для заключения соглашения о сокращении ядерного оружия, но никак не предполагали, что сможем прийти к нему уже в Исландии.

Я и Джордж не верили своим ушам и с изумлением выслушивали согласие на договоренность. Между тем рабочий день еще не закончился, а уже чувствовалось, что произошло нечто чрезвычайно важное.

Наступил и прошел полдень, а мы не смотрели на часы и продолжали работать — наша четверка и переводчики — в той же комнате с видом на океан. Приближался вечер. Я подумал про себя: а чего же мы добились? Договорились о самом крупном сокращении вооружений в истории. Я считал, что мы на пути к подписанию, соглашения и вот-вот достигнем чего-то выдающегося.

Уже после того, как все или почти все, как мне казалось, было решено, Горбачев выкинул финт. С улыбкой на лице он произнес: «Но все это, конечно же, зависит от того, откажетесь ли вы от СОВСЕ».

Я оторопел и просто закипел от возмущения: «Я же говорил, и говорил уже тысячу раз, что СОВСЕ — это не предмет для торга. Я объяснял вам, что если выяснится, что СОВСЕ можно применить на практике, то доведем информацию до вашего сведения и до сведения других, что ядерное оружие изжило себя. Теперь же, когда мы здесь обо всем договорились, вы это заявляете, возводите баррикаду на пути, и все летит к черту».

Мы никоим образом не откажемся от поисков оборонительного оружия против ракет, твердо сказал я далее.

Именно программа СОВСЕ заставила Советский Союз пойти на переговоры в Женеве и Рейкьявике. Я вовсе не собирался отказываться от своих обещаний американскому народу и давать задний ход программе СОВСЕ.

По данным разведки нам стало известно, что Советы ведут секретные научно-исследовательские работы по созданию своей

противоракетной оборонительной системы наподобие нашей СОИ. Конечно, их технология здорово не дотягивала до нашей, но если бы мы приостановили разработку СОИ, а Советы продолжали бы свои исследования системы, то это значило бы, что, проснувшись в одно прекрасное утро, мы узнали бы, что одни только Советы являются обладателями противоракетной обороны. Этого допустить мы никак не могли. Программа СОИ — это страхового полиса, гарантирующей, что Советы будут выполнять свои обязательства, взятые Горбачевым и мною в Рейкьявике. Мы уже имели достаточно горький опыт того, как Советы рвут договор, и сознавали, что подобного рода гарантии просто необходимы.

«Если Вы думаете ликвидировать ядерное оружие, — спросил я Горбачева, — то почему же тогда столь стремитесь избавиться от обороны против ядерного оружия? Ведь неядерная оборонительная система наподобие СОИ никому не угрожает».

С американской точки зрения, сказал я далее, все это выглядит таким образом, будто Советы не хотят, чтобы мы обогнали их с СОИ, потому что Соединенные Штаты идут впереди по части такой технологии, а Советы стараются не отстать.

В качестве довода, что у нас нет намерений применять СОИ в наступательных целях или как щит при нанесении первого удара, я еще раз повторил свое предложение открыть наши лаборатории и сделать систему достоянием всего мира. Я добавил, что СОИ должна стать чисто оборонительным средством для всего мира, что она сделает ядерное оружие изжившим себя и приблизит день, когда народы почувствуют себя достаточно уверенными в своей безопасности, чтобы ликвидировать это оружие.

«Все мы знаем, как создавать ядерное оружие, — продолжал я. — Даже если мы все договоримся никогда не применять его, где гарантия, что на свете не появится новый Гитлер и не прибегнет к нему?»

Лабораторные исследования СОИ займут, по всей видимости, не год и не два, и это время можно использовать для выработки и заключения соглашения о поэтапной ликвидации ядерных вооружений. Затем я высказал Горбачеву свою мысль о противоязых и пояснил, что после первой мировой войны народы мира дали клятву никогда больше не применять газы на войне.

«Мы прошли через Вторую мировую войну, и, хотя никто во время нее не применял отравляющие вещества, все мы таскали с собой индивидуальные противоязых».

Как знать, не появится ли после нас какой-то психопат? Мы живем в мире, где правительства все время меняются; в вашей, к примеру, стране за время моего президентства вы уже четвертый глава государства. Я верю,

что вы и вправду хотите мира, когда говорите об этом, но ведь может все и перевернуться. То же самое и с нашей стороны: думаю, вам известно, что я тоже искренне хочу мира, но вам также известно, что не от меня одного зависит выполнение данных вам обещаний. Поэтому нужны гарантии, что наши соглашения о ликвидации ядерных вооружений будут оставаться в силе и в дальнейшем.

Если вы полагаете, что я не в своем уме, намереваясь передать другим технологию СОИ, то подумайте вот о чем: представьте себе, что мы вот-вот развернем систему СОИ и только у нас одних она есть. Мы завершили исследования и испытания, но на развертывание системы уйдут месяцы, а может, и годы. Кроме того, мы сидим на огромном арсенале ядерных вооружений, и все страны знают это. Мы понимаем, что кому-то из них, может, будет трудно удержаться от искушения и не нажать пусковую кнопку своего оружия, прежде чем будет развернута система СОИ, из-за опасений, как бы мы не начали потом шантажировать весь мир.

Когда придет время развертывать систему СОИ, у Соединенных Штатов не окажется разумного выбора, кроме как избежать этой ситуации, сделав систему достоянием всех стран, чтобы они были уверены, что нам нечем шантажировать их. Мы не альтруисты. Есть причина, почему мы хотим поделиться этой системой, когда она у нас появится».

Горбачев слушал перевод моих доводов, но ни к чему не прислушивался. Он ни на дюйм не сдвинулся со своей позиции, а просто сидел и улыбался. Затем он сказал, что все еще не верит мне, что Соединенные Штаты сделают систему СОИ достоянием всех государств.

Я все больше закипал, не в силах сдержать раздражение. До меня дошло, что он заманил меня в Исландию с единственной целью — угробить на корню стратегическую оборонную инициативу. С самого начала он, должно быть, замыслил известить нас об этом в самую последнюю минуту.

«Переговоры окончены, — подвел я итог. — Пойдем, Джордж, отсюда. Мы уезжаем».

Когда мы подошли к машинам, собираясь покинуть Рейкьявик, Горбачев произнес: «Не знаю, что еще я мог бы сделать?» — на что я ответил: «Зато я знаю. Вы могли бы сказать “да”».

В тот вечер в своем дневнике я сделал такую запись:

«Он хотел таких формулировок, которые загубили бы идею СОИ. Цена была слишком высока, но я не пошел на сделку, и на этом день закончился. Весь наш народ считал, что я был полностью прав. Я торжественно обещал не отказываться от СОИ и сдержал свое слово, но это означало — никаких дел с сокращением вооружений. Он пытался сыграть на общительности, но я вышел из себя и показал свою злость. Ну что же, теперь мяч на его половине поля, и я убежден, он перекинет его, когда увидит реакцию мира».

Я был сильно обманут в своих надеждах и очень разозлен.

Когда я прилетел домой в Вашингтон, мне был устроен прием, который ясно показал, что американцы — за меня. Они явно не желали сворачивать программу СОИ.

